

Валерий Лемешко

Лихих
**СУДЕБ
ПЕРЕПЛЕТЕНЬЕ**

18+

Валерий Егорович Лемешко

Лихих судеб переплетенье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74307966

Лихих судеб переплетенье:

ISBN 978-5-00289-118-4

Аннотация

Эта книга – попытка поиска смысла через преодоление, познание и преображение. В ней немало ярких моментов из жизни самых разных людей, которые заставят сопереживать героям, размышлять о судьбе собственной и страны, любить, тревожиться, грустить и улыбаться вместе с ними. Герои не просто автоматически проживают свою жизнь – они стремятся думать, служить стране и людям, учитывая уроки отечественной и мировой истории. А значит, среди внимательных и вдумчивых читателей, для которых патриотизм и интеллект – не просто слова, этот прозаический сборник непременно обретет своих единомышленников.

Содержание

Про погибшего друга	5
Конец ознакомительного фрагмента.	110

**Валерий Егорович
Лемешко**

Лихих судеб переплетенье

© Лемешко, В. Е., 2026

Про погибшего друга

Небольшой город Белгородчины мало отличался от сотен городов Советского Союза. Кинотеатр, два десятка магазинов, три аптеки, краеведческий музей. На центральной площади памятник В. И. Ленину. Город, каких в стране сотни. Гастроном с надписью «Центральный», в котором продавались необходимые товары. «Центральный», не баловал посетителей чем-то особенным, зато имел специфический запах. Дело в том, что в рыбном отделе магазина неизменно лежали три сорта рыбы на прилавке. Копченая ставрида, соленая хамса, соленая килька, морская капуста и консервные банки самых разных размеров. Консервные банки, не вызывали подозрения у покупателей, а рыба вызывала всегда. Ей пришлось проделать немалый путь, прежде чем поступить в продажу. Да и поступив в продажу, она довольно долго лежала на прилавке. Отсюда своеобразное амбре от морепродуктов. Впрочем, к этому все привыкли. В самом конце «Центрального», располагался отдел кулинарии, который больше всего притягивал к себе детвору, особенно не избалованную вниманием взрослых. На витрине были выставлены три торта, красиво украшенные розочками и сливочными листочками. Здесь же пирожные, различная выпечка. На прилавке в больших прозрачных, зауженных книзу емкостях стоял натуральный сок, который продавался на разлив. Продавался ли-

монад в стеклянных бутылках, с разным вкусом и разными названиями: «Буратино», «Крем-сода», «Дюшес». Команда пацанов, собиравших пустые бутылки по всему городу, тащила их в кулинарию. Бутылки, при их полной сохранности, принимались по десять копеек за штуку. Полноватая продавщица, тетя Люда, тщательно осматривала бутылки, производя приемку. Затем на причитающуюся сумму в счет оплаты выдавала товар. Лимонад, пирожные, выпечку и другое.

В тот злополучный день Витька Корнеев, что был в компании ребят самым старшим, предложил:

– Пока тетя Люда будет осматривать бутылки, я за ящиками упру пирожные и передам их тебе, Леха. Ты выйдешь на улицу, и мы наедемся от пуза.

Леха был самым маленьким и щуплым. От постоянного нахождения на солнце кожа у него была коричневой. Нос всегда облезлый. Входя в помещение кулинарии, вся компания выстроилась друг за другом с авоськами пустых бутылок прикрывая Витьку, стоявшего в конце. Как только тетя Люда начала просматривать бутылки, осуществляя приемку, Витька прошел за ящики, взял несколько заварных пирожных, передал их Лехе. Он не спеша пошел на выход. Витька не видел, что в углу за ящиками дремал грузчик Гришка, имевший кличку Потап. Он почти всегда был в легком подпитии, но поскольку работал исправно, ему эта слабость прощалась. Кроме того, он был милицейским осведомителем, и его никогда не трогали. В тот день, увидав, как пацаны

сворачивали пирожные, он решил их наказать. Быстро выйдя из своего укрытия, он побежал за Лехой. Витька, понявший свой прокол, заорал во всю глотку:

– Леха беги! – но было поздно. Грузчик схватил Алексея за рубаху, тот попытался вырваться, пуговицы оторвались вместе с материей, рукав треснул.

«Ну все, теперь дома влетит по полной», – подумал Леха. Попытался вырваться повторно, грузчик ударил его кулаком в лицо, пирожные упали на пол. В это время вся компания ребят благополучно убежала из кулинарии, случайно зацепив верхний ящик с пустыми бутылками. Грохот разбившихся бутылок сопровождал истошный вопль тети Люды. На крик вошел здоровенный мужик, увидел, что из носа пацана течет кровь, спросил:

– За что ты его, Гришка? – Видимо, хорошо знал грузчика.

– Эта шпана пирожные уперла, ящик бутылок разбила.

– Здесь убытка на трояк, ты за трояк убьешь пацана? Ты что, сам не был пацаном?

Продавщица злобно глянула на мужика и крикнула:

– Иди отсюда, заступник, пока я милицию не вызвала.

Между тем, мужик произнес, глядя на Гришку:

– Еще раз пацана тронешь, по самую шляпку в землю во-
бью, отпусти пацана. – И, обращаясь к Лехе, сказал: – Беги
домой, хлопчик.

В это время вошел наряд милиции.

– Что у вас здесь случилось?

– Да вот, полюбуйтесь. Бутылки побили, пирожные украли, одного поймал Гришка, а этот хочет его отпустить, – указывая на мужика, сказала продавщица.

– Вы кто? – задали вопрос милиционеры.

– Я покупатель.

– Раз так, вы свободны, а ты пойдешь с нами, – сказали они Лехе. – Как тебя зовут?

– Артемов Леха.

– Кто твои родители?

– Родителей у меня нет, у меня старший брат Сергей.

– Тогда ведем его к Кунцевой. Пусть она с этим беспризорником разбирается...

– Гражданин Артемов Сергей Николаевич, пройдите в кабинет. Сергей Николаевич, вы являетесь опекуном вашего малолетнего брата Алексея Николаевича Артемова. Я, инспектор по делам несовершеннолетних Кунцева Елена Николаевна, предупреждаю вас, если правонарушения будут повторятся, я буду вынуждена ставить вопрос об отправке вашего брата в спецучреждение для малолетних правонарушителей.

– Елена Николаевна, я оплатил штраф и все убытки за разбитое стекло и за хищение продуктов, но драка началась не по вине Алексея. Его избили, порвали рубаху. Он сейчас находится здесь, а те, кто его избил, где?

– Он сам ничего не говорит, – сказала Кунцева. – Молчит,

как партизан. Я полагаю, что он не имеет должного внимания. Вам необходимо больше уделять внимания младшему брату. Подумайте над моими словами, Сергей Николаевич. Если что-то подобное повторится, я вызову вас на комиссию.

Возвращаясь домой, Сергей, глядя на Леху, строго сказал.

– Неужели непонятно, что с тебя и с меня спрос двойной. Им кажется, что ты состоявшийся преступник. То, что другим сходит с рук, нам не сойдет... Твое преступление не стоит выеденного яйца, а рассматривают его под микроскопом. Я не призываю тебя предавать своих друзей, но скажи хотя бы, кто тебе фингалов навешал? Кто разорвал в клочья рубаху?

Он молчал и шмыгал носом. Подходя к дому, братья Артемовы увидели, как сосед Николай Федорович вышел из калитки, увидев их, поздоровался и подошел. Федорович был старше Сергея. Он в свое время отсидел 11 лет за убийство в драке, пользовался большим авторитетом во всей округе. Кивнул в сторону Лехи, он сказал:

– Татьяна твоя мне все рассказала. Не вяжись ты, малой, со всякой шалупонью... Загремишь за решетку, и вся жизнь под откос. Ты неглупый пацан, мозги включай, а то сам пропадешь и старшего брата подставишь. Не сильно ругай его, Сергей, все мы были пацанами, не такая уж там беда, это менты кадило раздули. Можно подумать, что он не хавку, а бриллианты упер.

– Так-то, оно так, Федорович. Только меня инспектор по

делам несовершеннолетних два часа как помойного кота носом по столу водила. Дескать, я не уделяю внимания пацану, и он совсем от рук отбил. Не могу добиться, кто его отбучкал и рубаху порвал, – сказал Сергей.

– То, что он пацанов не сдает, это хорошо. Я повидал в жизни многое. Птицу видно по полету. Ну ладно, расти побыстрее, малой, и не попадайся ментам, – сказал Федорович. – А тот, кто его побил, за беспредел ответит.

Через месяц Гришку, по кличке Потап, обнаружили в колодце канализации возле ресторана. Ввалился ли он туда сам по пьянке или ему помогли, так и осталось загадкой. Милиция лишилась надежного осведомителя.

Потрепал легонько Леху за ворот и ушел к себе домой. Жена старшего брата, Татьяна, с нескрываемой злобой спросила:

– Привел своего уголовника?

– Замолчи, – сказал Сергей. – Не смей так называть брата.

– Тебе брат дороже собственного ребенка, который орет в коляске...

– Татьяна, зачем ты так? Ведь он мне не чужой... – Это теплотой отозвалось в душе малолетнего Лехи и было абсолютной правдой.

Когда трагически погибли родители братьев Артемовых, старший брат Сергей стал для него и отцом, и матерью. Поскольку Сергею в то время не исполнилось восемнадцати лет, он не имел права оформить опеку над младшим братом.

Алексея забрали к себе в деревню бабушка и дедушка. Там была только начальная школа, с первого по третий класс. Единственная учительница, которую звали Дарья Петровна, все уроки вела одновременно, у всех учеников трех классов.

Когда она выходила из класса, дав ученикам задание для самостоятельной работы, третьеклассники без труда помогали младшим, поэтому задания всегда выполнялись великолепно, несмотря на реальные пробелы в знаниях. Тут же, при школе, был дом Дарьи Петровны и сарай с многочисленной скотиной, а также огромный огород. Все ученики убирали картофель и свеклу с огорода Дарьи Петровны, перекапывали грядки под зиму, жгли ботву, возили на тележке навоз вместо уроков. Когда сезон уборки урожая заканчивался, ученики самозабвенно расчищали снег, убирали навоз, словом, помогали по хозяйству. Возвратившись из школы домой, Алексей сдавал одежду в стирку. Бабушка принималась стирать школьную одежду, чтобы придать ей вид, подобающий школяру. Эта процедура повторялась изо дня в день постоянно, сопровождаясь бабушкиной руганью. Поскольку школа была одна, учительница была единственной, претензий к «сельской интеллигенции» никто не предъявлял. После третьего класса Леху забрал к себе брат Сергей, вопреки желанию своей жены Татьяны. Летом на все каникулы его снова отправляли в деревню к бабушке и дедушке, а зимой на выходные, в субботу и воскресенье, он отправлялся к отцовой сестре Наталье, которая жила на другом конце го-

рода. Так передавали его из семьи в семью, как эстафетную палочку, отбывая очередь. Он научился безошибочно отличать искренность от фальши. Отлично понимал, что кроме брата он особо никому не нужен. По ночам часто плакал в подушку, вспоминая покойных мать и отца. Можно ли было осуждать кого-то за такое отношение к себе?.. Конечно, нет. Во-первых, его не отдали в детский дом, а во вторых, все были заняты своими семьями, хозяйством, работой.

Он понимал ту действительность, в которой он оказался после смерти родителей, и обиды, подлинные и мнимые, не покидали его. Обижало практически все, он ведь был ребенком. Особенно обижало несправедливое отношение к нему взрослых, как ему тогда казалось. В то время практически все работы в деревне велись вручную, или, как говаривал Лехин дед, пердячим паром. Любая пара рабочих рук в любой семье была не лишней.

– Если хочешь жить в достатке, – говорил дед, – надо работать не покладая рук.

Даже если это были детские руки, работа для них находилась всегда. Летом в деревню на отдых привозили детей со всех концов страны. К бабушкиным соседям приезжали в гости внуки из Липецка и Калининграда. У других соседей гостили внуки и внучки из Волгограда. Ко многим жителям деревни приезжали гости с детьми из Москвы и Ростова, Воронежа и Киева. Алексей легко обретал новых друзей, так как был общительным и добрым. Когда его друзья отправ-

лялись играть в футбол или купаться, всегда звали его с собой, но ему всегда находили работу по хозяйству. Надо было помогать бабушке. В его обязанности входило натаскать из колодца воды для полива грядок на огороде, наполнить водой бочку, из которой пила корова, возвращаясь с пастбища. Колодец находился в пятидесяти метрах от дома. Старый деревенский журавль, из которого черпала воду вся улица. Он брал самые большие ведра, чтобы быстрее натаскать воды и мчаться к ребятам поиграть в футбол. Все штаны от колен и ниже забрызганы водой и песком. Он спешил, тащил большие ведра, изгибаясь под не детской тяжестью. Сходить к колодцу нужно было раз пятнадцать, чтобы полностью наполнить все емкости. Как только с водой вопрос был закрыт, надо было в саду собрать падалицу из-под груш, чтобы порадовать корову Жданку перед вечерней дойкой. Затем за огородом накосить травы для кроликов и теленка, пока дед работал на колхозном току. На другой день нужно было помогать деду собирать в поле скошенное, подсушенное сено и, уложив его на телегу с лошастью, везти домой, где оно укладывалось на чердак в сарае. Делать все нужно было быстро, чтобы сено не намочил дождь, а кроме того, колхоз давал лошадь только на один день, на другой день лошадь должна быть у другого человека, поэтому надо было успевать. Дед частенько говаривал:

– Зима спросит, где было лето?

Постоянно находилась какая-то работа, в то время пока

его друзья играли и купались, не зная никаких забот. Глядя на него со стороны, всем казалось, что делает он все с удовольствием. Золотой ребенок, работяга. Никто, ни взрослые, ни его ровесники не догадывались, что работал он с полной отдачей не из-за любви к труду и даже не из-за куска хлеба, а из-за желания иметь велосипед «Орленок», который пообещали ему купить, если будет помогать и во всем слушаться. Так проходило лето. Велосипед так и не купили, ссылаясь на различные причины. Уйдя в сад, чтобы никто его не видел, он плакал от обиды, что его обманули. И опять спрашивал пустоту, почему у него нет отца и матери. И за что ему такая жизнь? Так продолжилось и на другой год. Все те же приезжие ребята купались, играли в футбол, а у него получалось только рано утром убежать на рыбалку, но с непременным условием вернуться к десяти утра, чтобы успеть натаскать воды и все сделать по отработанной схеме. Самым лучшим событием для него был обыкновенный дождь. Огород поливать не надо, воду таскать не надо. Можно прихватить с собой большую горбушку домашнего хлеба да дедов брезентовый плащ и целый день сидеть с удочками. Развлечений в ту пору никаких не было, поэтому рыбалка стала для него любимым занятием. Когда к ним в гости приезжала тетка с детьми из Белгорода, сестра его покойной матери, он назначался старшим и должен был следить, чтобы с его двоюродными братьями ничего не случилось. Его удивляли капризы двоюродных братьев и отказы от еды. Он, не привыкший к

уговорам, всегда ел то, что ему давали. Как говаривал дед: «Леха харчами не перебирает». Да и чем было перебирать? В деревне в ту пору соленое сало заменяло половину всего рациона. Сало брали с собой в поле, когда подходила очередь пасти коров.

Сумка с харчами собиралась быстро. Кусок соленого сала, пяток вареных яиц, огурцы или помидоры с огорода, картошка да хлеб. Примерно такой же рацион был у других жителей деревни той поры. К обеду дома варили борщ, за жарку делали с салом, вечером жарили картошку, тоже с салом. Меньше всего люди думали о пользе продуктов, а думали только о сытости, особенно люди постарше, те, кто помнил голод. Немного менялось положение с едой к зиме, когда рубили птицу и резали поросят. Появлялся холодец, начиненные разными кашами кишки и домашние колбасы. Но все хорошее быстро заканчивалось, и соленое сало было основным, уникальным продуктом в белгородских деревнях того времени. Многие люди, помнившие недавние голодные времена, считали, что сейчас они в сказке. Поскольку холодильников практически ни у кого не было, после забоя поросенка сало солили, а мясо на кости хранили на летней веранде или вешали на крючки над погребом, там все замерзало. Морозы были такие, что на реке намерзал метровый лед. Что говорить про холодильники, если не в каждом деревенском доме в ту пору был деревянный пол. Половина всего, что выращивалось в хозяйстве, сдавалось в колхоз. Алексей не понимал,

почему практически все молоко сдавалось в поставку. Да и само слово «поставка», было ему непонятно. Поросенка, одного из двух выращенных, тоже сдавали в колхоз. Хотя, как говорил дед: «Цены в Заготконторе были выше». Было непонятно ему, зачем покупать в деревенском магазине, который все называли «лавка», подмоченные макароны, заплесневелые крупы и другие товары, которым в наше время место на помойке. Это называлось «выручать Петровича». Петрович – это продавец лавки, с красно-коричневым крупным носом и огромным животом. Он отпирал магазин, входил внутрь, клал свой огромный живот на прилавок, и начиналась торговля. Большая часть жителей ждала его у лавки по несколько часов. Лавка отпиралась каждый день в разное время. Бывало, что и вовсе не отпиралась. Все говорили: «Болеет Петрович после вчерашнего», – и сочувственно кивали. Что такое болеть после вчерашнего, Леха поймет гораздо позже. А пока он видел, как Петрович, с красным крупным носом, с мешками под глазами, опухший, как бурундук, нацепив на нос очки, начальственным голосом говорил:

– Свежие рыбные консервы привезли, но продавать буду с нагрузкой.

Все хорошо знали, что такое нагрузка. Леху радовало, когда в нагрузку продавали слипшиеся конфеты «подушечки». Их он съедал с удовольствием. Ничего, что в них попадались крупинки пшена или зерна перловки, даже песок, который противно хрустел на зубах. Все равно это было вкусно. Го-

раздо хуже, когда в нагрузку продавали заплесневелый мешок муки или подмоченные крупы. Все дело в том, что цена все равно была как за доброкачественный товар. Это и называлось «выручать Петровича». Выручали его по нескольким причинам. Он был на хорошем счету у начальства. После того, как весь самый испорченный и залежалый товар был реализован, в магазин могли привезти хороший товар. Например, мороженую рыбу. Поскольку холодильников в лавке не было, людям приходилось разбирать рыбу сразу всю, целыми брикетами. Сутки над деревней стоял запах жареного хека. Кроме того, Петрович мог открыть магазин в любое время дня и ночи. Если вдруг случался приезд неожиданных гостей к жителям деревни, он открывал магазин и выдавал выпивку и закуску. Мог выдать товар под запись, у него была долговая книга. Петрович мог опохмелить мужиков в долг, а мог опохмелить, приняв десяток яиц в счет оплаты. Очень часто случалось несоответствие между реальным долгом и записью в долговой книге. Мужики часто возмущались:

– Должны были трояк, а в книге записана пятерка.

На что Петрович говорил:

– Можете не отдавать, но больше не подходите, в долг отпущать не буду.

Кроме того, Петрович был обладателем автомобиля «Москвич», единственного автомобиля на всю деревню. Все люди говорили: «Мало ли что?» Поэтому выручали Петровича, забывая о собственных убытках. К престольному

празднику еда готовилась праздничная. На больших противнях пекли в русской печке пирожки с различной нехитрой начинкой и круглые караваи хлеба. Все это, наряду с холодцом и салом, считалось хорошим достатком. Большинство людей в ту пору рассуждало так:

«Сало есть, хлеб есть, все остальное в погребе в бочках. Огурцы, помидоры, капуста. Не пропадем». Картошку засыпали в закрома как можно больше. Ели сами и кормили скотину. В случае каких-либо возражений по поводу скудности рациона, от кого бы они ни исходили, от приезжих или домопрощенных, следовал стандартный ответ: «Не видели вы смаленного волка». Он вначале не понимал смысл этого выражения, но по мере взросления ему многое стало понятно. Он перестал клянчить велосипед, перестал просить и ждать что бы то ни было, а все чаще замыкался в себе. Уходил в сад и подтягивался на перекладине, сделанной между деревьями. Многое было непонятно, многого не было у людей в то время, но в каждом доме, абсолютно в каждом деревенском доме были иконы.

Видя, как бабуля неистово молится, отбивая поклоны перед иконами, он спросил у нее по-взрослому.

- Какой смысл молиться, бабушка?
- Как какой смысл? – опешила она.
- Чего же Бог моих родителей не уберет?
- Мал ты еще об этом рассуждать. Вот скажу деду, он тебе мозги вправит.

– Говори не говори, а мать и отца никто мне не вернет.

Она заплакала, а он для себя решил, что в школе говорят правду: никакого Бога нет, Гагарин летал, никого не видел, религия – опиум для народа, пионеры не должны ни во что верить, кроме светлого будущего, которое непременно наступит. Однажды он даже разбил от злости икону и сорвал оклад, как бы в отместку за свою личную боль и обиду. Дед, который прошел войну и плен, сказал:

– Ну что, справился?... Запомни, злоба съедает человека, как ржавчина съедает железо.

– Что толку молиться, если все бесполезно? Что бы я ни попросил, все впустую. Он меня не слушает.

– Если бы Бог пастуха слушал, то вся бы скотина передохла, потому и не слушает.

На этом беседа закончилась. Его все меньше тянуло в деревню, он искал любой повод, чтобы остаться в городе. Невзирая на старания братовой жены, Татьяны, пытавшейся спровадить его куда-нибудь, брат Сергей твердо сказал:

– Нечего ему мыкаться, как переезжей свахе. Пусть сидит дома, раз так хочет.

По мере взросления он больше стал проводить времени среди ровесников и ребят постарше. Лето – самое лучшее время для детворы. Он целыми днями проводил с ребятами на речке. Снятым с окна тюлем ловили пескарей, окуньков, щучек. Вечером получали дежурную затрещину или хворостину по заднице потому что тюль после рыбалки походил

на половую тряпку. Это никого не пугало. Разведя костер, жарили пескарей, нанизанных на лозину, жарили хлеб и сало, початки кукурузы. Все это съедалось с аппетитом, вместе с луком и огурцами, печеной картошкой, прихваченными с огородов. Ребята хорошо знали, где раздобыть раннюю вишню, ранние яблоки. Вечером ходили к магазину, помогали разгружать свежий, хрустящий хлеб. За это всегда получали несколько горячих буханок, которые безжалостно обдирались. Сначала съедалась хрустящая корка, а затем и мякиш. Улица научила стоять за себя и за своих, курить и драться. Улица научила всему тому, что в дальнейшем помогало правильно вести себя в разных ситуациях. Не болтать лишнего и отвечать за данное слово. Возвращаясь домой, Леха, как и каждый из ребят, выслушивал шаблонные призывы не шлаться по улице, а заняться чем-нибудь полезным.

Однажды подрались с зареченскими ребятами. Подрались серьезно. Убегая, он разрезал стопу о стекло. Прихрамывая, пошел к соседу Федоровичу, домой идти побоялся, чтобы не получить по загривку от братовой жены. Федорович внимательно выслушал его рассказ про драку. Вынес из дома зеленку и бинт, глядя на разбитую губу и синяк под глазом, сказал:

– В драке трусить и убегать не надо. Драться надо. За своих, если нужно, даже резать надо, стрелять надо, зубами грызть надо, а трусить не надо никогда... Если очко жим-жим, лучше не заводись, но если завелся, в драке волос не

жалеют, иди до конца... Если хочешь сам себя уважать и чтобы другие люди тебя уважали. Судьба может сыграть с тобой любую шутку, особенно если ты решишь сыграть с ней в орлянку. Можешь в лагерь загреметь... Да что угодно в жизни может случиться.

– Как это «в орлянку», Федорович? – спросил он.

– Это когда сегодня я на коне, а завтра конь на мне. – Взглянул на Леху, засмеялся и спросил: – Не понимаешь? Ничего, вырастешь, поймешь.

Прошло время, Алексей поступил в железнодорожный техникум. Брат Сергей помогал ему прочно встать на ноги, ни от кого не зависеть, быть самостоятельным. В технаре он встретил первую любовь. Впервые в жизни появилась девушка, которая понравилась и о которой он думал постоянно. Лена, так звали его первую любовь, отличалась не только стройностью фигуры, но и очень красивой внешностью. В семье она была единственным ребенком, поэтому родители не отказывали ей ни в чем. Она не обременяла себя строгой моралью, и Леха, впервые познавший женщину, чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Поделится своей радостью только с братом Сергеем. Сергей изрек одну фразу: «Не спеши жить, все успеешь».

Лена с удовольствием принимала знаки внимания всех однокурсников, и не только однокурсников. Ей вообще очень нравилось внимание противоположного пола. Она считала себя неотразимой и понимала на клеточном уровне, что нра-

вится ребятам. Спinoй чувствовала на себе чужие взгляды. Зачастую специально подыгрывала навязчивым ухажерам. Порой начинала улыбаться какому-нибудь однокурснику, зная о том, что Алексей сходит с ума от ревности и злости. Однажды он подрался из-за нее. Как-то сказал однокурснику, приударявшему за ней, чтобы тот отклеился, на что услышал резонный ответ:

– Ты ей не муж и даже не жених, так что пошел ты...

Договорить тот не успел. Алексей резким, хлестким ударом в челюсть отправил собеседника на пол и во время падения добавил ногой в район солнечного сплетения, как учили на улице. Больше никто к его Лене не приставал, но его едва не выгнали из технаря. Спасибо, что пострадавший собеседник оказался настоящим пацаном, без претензий к Алексею. Был еще один позитивный момент в этой истории. Лена перестала строить глазки однокурсникам и вилять бедрами, во всяком случае, в присутствии Алексея.

К окончанию технаря твердо решил: «Лена будет моей женой... Вон как все на нее смотрят, завидуют мне. Такую девушку подцепил, что сам себе не верю...»

– Поехали на Белгородчину. Познакомлю со своими. – Она согласилась.

В ближайшую субботу отправились из Воронежа на Белгородчину знакомиться. Брат, едва взглянув на Лехину подругу, помрачнел. Сосед Федорович, выпив рюмку, тоже заспешил домой. Зато братова жена Татьяна щебетала не пе-

реставая, акцентируя свои вопросы на том, кто родители у Лены, чем занимаются, какие у кого родственники и связи... Со стороны создавалось впечатление, что у Алексея нет роднее человека, чем Татьяна. Проводив Лену домой, он вернулся на Белгородчину. Дома состоялся разговор с братом и соседом. Брат сказал сразу:

– Не годится она для жизни!..

– Почему это? – спросил Леха.

– Потому, – добавил Федорович, – Что она из категории людей «на одного смотрю, а всех жалко!». К тому же из армии ждать она тебя не будет, раз поняла, что с мужиками надо делать.

– Для жизни надо что-то попроще, – сказал Сергей.

– Ну да... Навроде твоей Татьяны! – ответил Алексей.

– Я не призываю к крайностям... Но Лена точно не вариант.

– При ее красоте, – сказал Федорович, – она тебя и недели ждать не будет.

– А если бы она была «крокодил»? Что, ждала бы? – спросил Алексей.

– Дело не в этом. Если хочешь жить спокойно и счастливо, выбирай ту, которая тянется за тобой, а не ту, за которой ты бегаешь...

– С красивой бабой боятся связываться те, у которых слабость по мужской линии.

– Ду-у-у-урак... На веку как на до-о-о-лгой ниве... Будь

у тебя хоть железный, а уйдешь из дома, и что она?.. Будет мечтами о тебе утешаться? – сказал сосед.

– Давай так... – решил брат. – Отслужишь в армии благополучно, и если она дождется тебя, на следующий день по возвращении сыграем свадьбу... А если нет, то, значит, нет!

После того как состоялся неприятный разговор с братом и соседом, он сказал Лене: «Отслужу и женюсь. Если дождешься... На проводы приедешь?»

– Мама сказала, идти на проводы – дурная примета, – ответила Лена.

– Сдается мне, Федорович, пустой это разговор, – сказал Сергей, встретившись с соседом после Лехиного отъезда.

– Ты прав. Если бы молодость знала, если бы старость могла. Вот взять хотя бы меня, я ведь первый раз женился потому, что мне казалось, лучшей девки на свете не бывает. Моя первая жена, Люба, красавица была. Кожа нежная, как у ребенка, – вспомнил Федорович и улыбнулся. – Зубы как жемчуг, стройная, статная, ну просто принцесса. А Валюха (нынешняя жена) всю жизнь за мной бегала, вся в веснушках, глянуть не на что. Конечно, я выбрал Любу, а когда подсел, Люба моя «хвост подняла», только ее и видели. А Валюха всю жизнь со мной.

– Федорович, а почему ты говоришь про Любу «была», она умерла, что ли?

– Для меня да, а вообще она жива-живехонька. В Губкине живет, замужем, детей двое у них.

«Значит, не умерла, раз он о ней все знает, заливают сосед, – подумал Сергей, – такие в сердце навсегда остаются», – а вслух произнес:

– Значит, брата мы не переубедили?

– Конечно, нет, каждый сам свою жизнь проживает и сам себе шишки набивает. Это вранье, что чужой опыт всех чему-то учит. Кого-то учит, но в основном каждый попадает в неприятности, от которых его предостерегали. В жизни всегда есть события, о которых любой человек помнит до самой смерти. А есть моменты, о которых нечего вспомнить. Ни хорошего, ни плохого. От таких моментов в жизни остаются только пятна, даже без очертаний. У твоего брата первая любовь, о ней он, конечно, будет помнить.

– Значит, разговор с ним напрасный? Все зря?

– Ничего не зря, на то мы и старшие, чтобы пацана беречь от неприятностей. По возможности, конечно. Я тебе так скажу, Сергей, зря в жизни ничего не бывает. Все, что происходит и что говорится, все не зря.

Провожали Алексея в армию несколько приятелей, брат Сергей с женой Татьяной, тетка Наталья, дед с бабкой и сосед Федорович с женой. Все желали удачи, вернуться живым и здоровым. Федорович выпил рюмку, остатки водки вылил на ладонь, погладил этой ладонью Леху по лысой, свежестриженной голове, сказал:

– Помни, чему тебя старшаки учили. А теперь на всю жизнь запомни то, что я тебе сейчас скажу... Стакан винный,

х... длинный и картежная игра не доводят до добра. Запомни эти слова как «отче наш»...

– Что такое отче наш? – спросил Леха.

– Мудак ты, Леха... Идешь служить и не знаешь, что такое «отче наш». – Валя, дай ему молитву в дорогу! – обращаясь к жене, сказал Федорович.

Валентина протянула сложенную черную полоску, на которой золотым теснением были написаны три молитвы. «Отче наш», «Богородичная» и Псалом 90-й, известный в народе как живая помощь. Он машинально сунул молитву в карман. Прибыв к военкомату, обняв всех провожающих по очереди, зашел в автобус.

Еще находясь в учебке, он от друзей получил известие, что Лена, его первая любовь, вышла замуж. Прошло меньше двух месяцев после расставания... «Как же были правы старшаки, хорошо, что я не женился на ней. На одного смотрю, а всех жалко», – вспомнил он слова соседа.

– Все в руках Божьих! – произнес он непонятно почему возникшие слова.

К тому времени он выучил две молитвы из трех данных ему в дорогу. Ему, не избалованному разносолами на гражданке, армейская еда вполне нравилась, в отличие от некоторых ребят, служивших с ним. Начинал служить в Средней Азии, а закончил в Ростовской области. Там он сблизился с тремя земляками: Витька, Сашка и Олег. С ними вместе и увольнялись. Вернувшись из армии, захотел встретиться с

первой любовью Еленой. Поехал в Воронеж, через знакомых нашел ее...

Выяснилось, что она уже успела дважды выйти замуж и разойтись. В данный момент находилась в очередном поиске. От первого брака у нее был сын, которого она оставила у своих родителей, чтобы не мешал делать карьеру, как заявила она Алексею. Этой встречей Алексей был разочарован. От той девушки, которую он знал, не осталось и следа. Перед ним была циничная, наглая, развращенная до предела шлюха. Куда девалась та, которую он знал? Что за странные метаморфозы произошли? Переспав с ней, он уехал к себе домой, четко понимая, что видеться с ней он больше не хочет.

Вернувшись от Елены, ударился в гульбу и пьянку, никому ничего не объясняя. Особенной слабостью для него были женщины. Брат Сергей неоднократно предупреждал о том, что беспорядочные связи ни к чему хорошему не приводят, часто говаривал: «В кого ты только такой уродился?..»

Только по большому счастью, к великой радости брата, он познакомился со Светланой, и Сергей был рад, что брат попал в надежные руки. Они стали жить вместе, вскоре у них родилась дочка Анечка. Сергей со всей семьей переехал в выделенную благоустроенную квартиру. Постепенно жизнь стала налаживаться. Алексей работал помощником машиниста тепловоза, жена Светлана – медсестрой в городской больнице.

Вскоре произошло то, что происходит в стране с завид-

ным постоянством. Как говорил сосед Федорович: «Не понос, так золотуха...» Если не война, то революция. Не революция, так перестройка, реформа, смена политического вектора. Словом, происходит то, что обогащает богатых и делает более бесправными и нищими обычных людей. Деньги, которые население доверило государству, накрылись медным тазом. Сколько народу попало в эту государственную подлянку. Не миновала эта история и семью Артемовых. Те деньги, что Светлана разместила на сберкнижке, вырвав их из семейного бюджета, пропали... От недостатка денег впервые высказала мужу свою обиду: «Что ты за мужик?.. Деньги заработать не можешь!..»

Алексей рассчитался с работы и подался к армейским друзьям, в надежде на приличный заработок. Они служили вместе, вместе возвращались домой, поэтому у него были основания надеяться на них. Все его друзья держались особняком и продолжали работать вместе. Чем они занимались, никто точно не знал, слухи ходили разные. Устроили его в кафе «Пеликан», приглядывать за порядком и жарить для клиентов шашлык.

– С баблом не обидим!.. – сказал сослуживец Сашка, на которого было оформлено кафе.

Все его друзья были при деньгах, не женатые. Таскали к себе городских шалашовок, на свои попойки, в пятничную баню. Пригласили и Леху. Витька, еще один сослуживиц, шепнул в бане на ухо: «Леха, беги ты от нас подальше, иначе

попадешь с нами в непонятное».

Эти слова напрягли его. Увидев в раздевалке стволы под одеждой, он о многом догадался. Его армейские друзья трясли комерсов, забирая у них честно и нечестно заработанные деньги. В баню привезли девок.

– Выбирай любую! – сказал Олег, еще один сослуживец. Леха подошел к понравившейся девчонке, но она заявила: – Я с Сашкой, я всегда с ним!

Он отошел в сторону, а Олег, поняв, в чем дело, сказал: – Если в сердце дверь закрыта, надо в печень постучать... – Ничего не надо, ответил Леха. – Ну, дело твое, – согласился Олег.

Через месяц работы в кафе Алексей спросил обещанную зарплату.

– Самому надо крутиться! – сказал Сашка, сунул ему в руки несколько сотенных бумажек и уехал...

Так Алексей понял цену словам «помогать друг другу», что давали, возвращаясь домой из Ростова.

После демобилизации, подвыпив, завязались они с гражданскими. Могло бы все закончиться плохо, но Алексей достал гранату, сказал убедительным голосом: «Кто дернется, здесь и останется!» Все разошлись, не раздражая друг друга. Хотя граната была учебной, впечатление произвела. Вот тогда все и пообещали помогать друг другу. Все это вспомнилось Алексею.

– Ну что же, – сказал он, – значит, нам вместе тесновато.

Ушел из кафе и больше с Сашкой и Олегом не виделся. Через два дня приехал Витька.

– Ты правильно сделал, что ушел. Можешь попасть с нами в такие бигуди, что хрен выпутаешься. У тебя жена и дочь, зачем тебе лишний геморрой? На меня можешь рассчитывать по-любому.

Поболтали еще немного, вспомнили службу и расстались по-хорошему.

Устроился Алексей водителем в ПМК. Но вскоре ушел по причине задержки зарплаты. Устроился грузчиком на завод, затем механиком на элеватор, слесарем в водоканал, слесарем в ЖКХ. Все в поисках денег. Устроился вахтовиком на Север, но богатым так и не стал. На вопрос «как дела?» он неизменно отвечал «как сажа бела», а на вопрос «как делишки?» – «как рублишки, я за ними, а они от меня».

Совершив рабочий марафон в погоне за деньгами, он вернулся на тепловоз помощником. Его машинист Григорьевич сказал: «Грешник ты, видать, вот и идет у тебя все сикось-на-кось».

После возвращения с «северов» он узнал, что его сослуживцы Саня и Олег погибли в ДТП по пьянке. Остался только Виктор. Алексей связался с ним, посидели в кафе, выпили, помянули друзей. Виктор сказал:

– Я знаю, они виноваты перед тобой. Но ты не обижайся.

– Я все забыл. Кто старое помянет, тому глаз вон.

– Ты обращайся Леха, если что.

И они расстались. Случай обратиться вскоре представился. В гости зашел брат Сергей, у него был свой магаз по продаже разного турецкого барахла. Пообщавшись, уходя, брат сказал:

– Занял одному человеку деньги... Теперь забрать не могу. Не хочет отдавать. Расписки нет, свидетелей нет, что делать, ума не приложу...

– Он местный? – спросил Алексей.

– Нет, из Белгорода.

– Адрес знаешь?

– Да, знаю.

Назвав адрес и имя должника, брат ушел. Алексей понял, это была ненавязчивая просьба о помощи. Он позвонил единственному оставшемуся в живых, армейскому другу Виктору. Поделившись соображениями, приятели захватили Витькин ствол, две бейсбольные биты и Лехину легендарную гранату. По дороге Виктор инструктировал приятеля.

– Ты в этом деле человек новый, а мы с покойным Сашкой и Олегом всяких повидали. Наглецов надо наказывать сразу, они добрых слов не понимают. Сначала надо гасить, а затем объяснять им, в какую жопу они попали. Затем объяснять, как из этой жопы выбраться с наименьшими потерями. Тем более я этого кренделя знаю хорошо, твой Сергей не первый.

Должника нашли быстро, но надо было забрать деньги. «Дома у него жена и дочка, надо цеплять его на улице. Ма-

шина у него крутая, если не отдаст деньги, заберем за долги», – сказал Виктор.

На третий день должник подъехал к дому поздно вечером. Едва он вышел из машины, тут же получил битой по правой руке и правой ноге. Дальше разговор был жестким.

– Если отдашь деньги сейчас, останешься живым и теплым. Если нет, будешь инвалидом. Машину мы заберем за долги. Номера перебьем, продадим абрекам на Кавказ, – сказал Виктор.

Хозяин машины оказался человеком не упрямым. Поднялись в квартиру со стволом в боку, забрали долг и деньги за хлопоты. На прощанье Виктор сказал:

– Если не хочешь, чтобы граната оказалась у тебя в штанах, забудь обо всем.

На следующий день приятели сидели на кухне у Сергея дома, в хорошем настроении и с чувством выполненного долга.

– Я знал, что однажды ты выручишь меня, брат!.. – сказал Сергей, похлопав его по плечу.

Алексея распирало от радости за себя и за то, что выручил старшего брата. Витька пытался шутить, глотая рюмку за рюмкой, в конце концов надравшись до одурения, он запел частушку:

«Пум пирламбер пупия,
Синяя з...

Понарыли б... ям,
Хоть не ездил по б...м».

– Тише! – сказал Сергей. – Испугаете соседей.

По прошествии месяца Виктор угорел в автомобиле. Менты сказали, что заснул поддатый в работающем автомобиле в гараже. Нашли его утром. Сказал сосед по гаражу. Так судьба в очередной раз ударила Леху, забрав преданного друга. Как известно, дорогой скорби приходим мы к Богу. Когда возникают жизненные проблемы, большинство людей обращается к Богу за помощью, даже те, кто до определенного момента ни о чем его не просил. В тяжелый момент жизни или в определенных жизненных обстоятельствах каждый человек рано или поздно обращается к Богу. Не стал исключением и Алексей. Обращаясь к Богу, он просил помощи в жизненных делах, просил простить ему грехи, шептал себе под нос что-то невнятное, стыдясь своих мыслей. Понял, что все это неправильно, отбросив ложный стыд, обратился к батюшке Никону. Приехал к нему не в церковь, а домой по совету жены Светланы. Батюшка Никон оказался человеком с пониманием. Выслушав Алексея, вручил ему брошюру, в которой рассказывалось в подробностях, как готовиться к исповеди, к причастию, как прийти к покаянию. Там же был перечень грехов человеческих.

Алексей серьезно подошел к делу. Постился вместе с женой, прочитал перечень грехов и с удивлением обнаружил,

что является носителем всех человеческих пороков. Почти все грехи были присущи и ему. Поинтересовался у жены, сколько у нее грехов. Светлана жестко ответила:

– Ты не батюшка, чтобы я тебе в грехах исповедовалась!

Он по-новому посмотрел на свою жену. Казалось, что он знает о ней все, а иногда казалось, что и вовсе он ничего о ней не знает. Вот и теперь она удивила его своим ответом. Хотя чему удивляться, столько всего произошло за последнее время.

После посещения отца Никона, после исповеди, он почувствовал облегчение, будто тяжкий камень упал с плеч долой. Жизнь показалась намного прекрасней, появился прилив сил. Это событие отец Никон объяснил фразой:

– Это Господня благодать коснулась тебя. С этой минуты старайся жить в согласии с Господом.

С этого момента любые вопросы, любые события своей и чужой жизни он мог объяснить Божьим промыслом, как позитивные, так и негативные события теперь объяснялись гораздо проще. Ибо сказано в писании: «Ни один волос не упадет с головы человека без Божьего дозволения».

Отец Никон предложил съездить в Задонский монастырь.

– Я вас познакомлю с одним монахом. Его зовут отец Лаврентий. Это удивительный человек.

До знакомства с отцом Лаврентием Алексей считал, что монахи – люди закрытые и недоступные, ограничивающие себя во всем. Сидя за столом с отцом Лаврентием, слушая

его прекрасные стихи, Алексей понял, что он мало знает об этих людях. Отец Лаврентий оказался образованнейшим, умнейшим и добрейшим человеком. Вспомнились его стихи. («За святую Русь помолюсь, чтобы божью нить пробудить...»)

С тех пор Алексей со Светланой старались чаще бывать в Задонском монастыре и всегда встречались с отцом Лаврентием.

Во время очередного посещения отец Лаврентий показал могилы монахов на монастырском кладбище. Перед самым отъездом домой он проводил Алексея со Светланой к могиле генерала Муравьева Николая Николаевича. Могила находилась с восточной стороны Владимирского собора, возле ограды. Ограда огибала серое гранитное надгробье, на котором была надпись: «Николай Николаевич Муравьев начал военное поприще отечественной войной 1812 года, кончил под Карсом в 1856 году». Все втроем постояли какое-то время молча, отдавая дань уважения прославленному боевому генералу. Затем попрощались с отцом Лаврентием у монастырских ворот и отправились домой на Белгородчину. Возвращаясь домой, Алексей думал о том, что Россия на протяжении всей своей истории воевала практически непрерывно. Какой бы временной отрезок ни взять, везде будет война, если не война, значит, бунты, восстания, революции.

«А я в силу своей исторической безграмотности помню только несколько дат из истории своей страны, – подумал

Алексей. – Это 1612 год, когда польские интервенты и национал-предатели тиранили наш народ. Это 1812 год, когда Наполеон, вторгшийся в нашу страну, разграбил и разорил европейскую часть страны, разграбил Москву и сжег ее. Затем на ум пришла Первая мировая война четырнадцатого года и революция семнадцатого года. Великая Отечественная война 41–45 годов, унесшая двадцать семь миллионов жизней и принесяшая неисчислимые страдания народу. Но ведь между 1612 и 1945 годами было огромное количество событий. А много ли людей о них знает? А ведь была история страны и до 1612 года, и после 1945 года. Практически ни один конфликт в мире не обходился без нас».

Алексей поймал себя на мысли, что, произнеся слова «без нас», он чувствовал себя сопричастным ко всем событиям, хотя в них не участвовал. Он был частью России и ее гражданином, а значит, и частью всего, что происходило и будет происходить в стране. Правильно ли это, Алексей не знал. Но он знал, что если признать себя частью страны, значит, и историю страны надо признавать полностью. Не только победы, но и поражения, и унижения страны, и репрессии, и все-все, что происходило. А почему? Да потому, что все предки жили здесь в России, а не на Луне испокон веков, и они участвовали во всех событиях так или иначе.

«Вообще-то, – подумал он, – чтобы в этом разобраться, нужно всерьез изучать историю, а не только в рамках школьной программы. Я берусь судить наших бывших руководите-

лей, опираясь на прочитанную газетную статью. А при ближайшем рассмотрении автора статьи понимаешь, что все его слова – это личная обида за что-то или за кого-то. Либо политический заказ на очернение и фальсификацию истории. Грамотенки у меня маловато. Техникум да попытка учебы в институте в виде трех лет заочного обучения. Надо самому образовываться. Отец Лаврентий сказал: почаще обращайтесь к Богу, тогда на многие вопросы найдете ответы. Он еще говорил, что всякая власть от Бога. Значит, и наш алкаш со своей бандой тоже от Бога, как наказание нам, только непонятно, за что. Опять я подумал «наш алкаш», значит, я признаю его как часть страны и истории и себя в ней тоже. Может, это сейчас мне непонятно, ладно, проживем – увидим. Войны, революции, перестройка... Чем провинилась Россия перед Богом?

Ну, допустим, тем, что рушили храмы, но ведь и до этого народ жил, мягко говоря, не очень. Иначе откуда эти бунты, восстания, народные войны, не говоря о мелких помещичьих разборках. Слава Богу, что всех победили. Надеюсь, и дальше всех победим. Вот генерал Муравьев, столько воевал, а я о нем узнал от отца Лаврентия. А сколько я еще не знаю. Времени прошло почти полтора столетия, могила сохранилась, народная память сохранила всех выдающихся людей и великих полководцев.

Жаль только, что обычных людей, солдат, коих сотни тысяч легли на полях сражений, не сохранила. И здесь я не

прав. Народные былины, песни, предания о чудо-богатырях — это тоже память.

И только Великая Отечественная война наиболее полно сохранила в памяти всех сынов и дочерей, воевавших на полях сражений. Есть о чем подумать, дорога домой не близкая. И все же хорошо, что мы познакомились с этим монахом. После общения с ним лучше думается. И не только о хлебе насущном, а обо всем и обо всех. Генерал Яков Петрович Кульнев говорил: «Люблю Россию! Хороша она, матушка, еще и тем, что у нас в каком-нибудь углу да обязательно дерутся». Хорошо бы получше знать своих героев и свою историю, есть о чем подумать, путь не близкий».

После этих встреч хотелось кричать всему миру:

— Люди! Живите правильно! Покайтесь!

Монахи, в отличие от простых мирян, умеют радоваться каждому Божьему дню и благодарить за это Господа. Мы забываем сказать: «Благодарю тебя, Господи, за прожитый день».

«Зачем кого-то осуждать? — говорил себе Алексей. — Ведь я до недавнего времени думал, что Господь — это добрый Дедушка Мороз. Делает только хорошее для людей и раздает подарки».

После знакомства с отцом Лаврентием Алексей понял, что Господь делает не хорошее, а душеполезное, часто через наказание людей. Ведь где человек — там грех, во всех его проявлениях. Чтобы уберечь все греховное людство от

полной гибели на протяжении всей человеческой истории, были потопаы и пожары, извержения вулканов, землетрясения, были моровые болезни, уничтожение отдельных городов, голод и войны. Человек как вид сохранился, сохранив в себе не только пороки и все человеческое, но и все божественное. Забота о близких, защита своей семьи, ответственность за тех, кого приручили, и самое главное из всего – защитить свою семью любой ценой. Все в жизни Алексея, стало на свои места. Только позабыл он о том, что жить в миру совсем не одно и то же, что жить в монастыре. Забыл он и про врага рода человеческого, который каждый день и каждый час искушает людей. Испушений много, а человек не Бог, он слаб и подвержен влиянию греховного. Мысли о хлебе насущном не дают покоя ни днем ни ночью любому человеку, ответственному за свою семью.

Месяц май, все цветет. В природе расцвет, по ночам соловьи заливаются. Дурманящий запах цветущих деревьев. Живи да радуйся. Только у каждого работаги семья, ее надо обеспечить всем необходимым. Это обстоятельство заставило мужиков в смене умыкнуть дизтопливо, чтобы подзаработать. В ночи слышны шарканье шагов, кряхтение и приглушенный разговор, почти шепот. После того как процесс по изъятию и переносу дизтоплива из тепловоза закончился, мокрый от пота Лехин коллега Семеныч, который был гораздо старше всех, вытирая пот со лба, сказал:

– Слава Богу... Не попались ни ментам, ни охране.

Леха неожиданно для себя изрек:

– Странные вы люди. Верите в Бога и благодарите, что помог украсть.

Сказал и сам себе удивился, ведь он тоже был с ними.

Первым подскочил к нему Кислов, он также был старше Алексея, и спросил:

– У тебя с головой все в порядке?

Вторым подошел Рындин:

– Ты что? Головой ударился?

Семеныч сказал:

– Тихо! Пошли в бытовку, там все обсудим.

В бытовке он достал из шкафа сало, хлеб и литр самогона. Присели, выпили по полстакана, закусили, затем закурили, и Семеныч не торопясь завел разговор.

– Ты, Алексей, недавно сказал: «Веруете и воруете». А разве ты не просил Бога о помощи, чтобы из армии живым вернуться? Сам говорил, что Федорович лично молитву тебе в руки вложил.

– Это было другое, – сказал Леха.

– А мы что, по-твоему, у друзей солярку умыкнули? Или это нам друзья зарплату назначили в семь тысяч, которой хватает, чтобы семья с голоду не подохла, чтоб мы ногами дрыгали и пахали на них, пока мы им нужны. Ни я, ни Кислов, ни Рындин не установили этот порядок. Либо мы принимаем его и выживаем как можем, либо надо отправляться в монастырь или на тот свет. Есть еще один вариант... Уехать

из страны. Только за границей мы нужны, как собаке пятая нога. Ведь ни один из нас не является носителем секретов, крупным ученым, великим писателем, медицинским светилом и богатым человеком. Поэтому наша судьба – жить там, где мы родились и где могилы наших предков. Но лично я и при наличии всего перечисленного Россию не променяю ни на одну страну мира.

Выпили еще по полстакана, закусили, покурили.

– Ты давно таким праведником стал? – спросил Кислов. Леха промолчал. – Молчишь?.. Вот и не строй из себя бессеребренника, – сказал Семеныч. Я понимаю, что такое хорошо, а что такое плохо. Мне тоже бывает стыдно. Мне особенно плохо и стыдно, когда дети голодные дома плачут, а на остальной стыд мне плевать. Те суки, что наверху сидят, не мучаются раздумьями, как мы выживаем всей семьей на семь тысяч.

– Да разве я возражаю? – сказал Алексей. – Просто хотел сказать, что когда грешишь, Бога трогать не надо.

– Давай, Алексей, о Боге после поговорим, – сказал Семеныч. – У меня сейчас думки очень приземленные. А о высоких материях думать некогда. Мне вкалывать надо, семью кормить, внуков поднимать, учить, лечить, одевать, обувать. У тебя одна Светка с Анькой, а у меня двое детей, внуки и теща лежащая. Давайте, мужики, замахнем еще по сто грамм, и пошли по домам. А ты, – обратился к Лехе, – захочешь поговорить, приходи ко мне, посидим, поговорим.

– Знаешь поговорку? – спросил Кислов. – Бог-то Бог, да и сам не будь плох.

Семеныч добавил:

– На Бога надейся, а сам не плошай.

Рындин подытожил:

– Береженого Бог бережет, а не береженого конвой стережет.

Леха искренне рассмеялся и сказал:

– Я вижу, здесь собрались истинные знатоки слова божьего. Ладно, простите меня, мужики, я, видно, не то ляпнул. Ведь забота о близких очень много значит.

Покурив на дороге, все разошлись по домам. Придя домой, он спать не лег. Пошел во времянку, чтобы не будить жену с дочкой. Мысли самые разные лезли в голову. Как живут другие люди? Как умудряются в одиночку тянуть свои семьи? Я дома не сидел, работал все время, пробовал разные работы... А какой толк? Умри я завтра, мне даже дочери оставить нечего. Странно, живем в богатейшей стране, а зарплаты такие, что стыдно вслух произносить. Это у нас на Белгородчине, а в других регионах вообще полная задница. Однако некоторые люди живут, даже обычные работяги умудряются построить дома, покупают новые машины, и не подержанные, а прямо из салона... Как же так? Вот Кислов, например... Трое детей, а он в шоколаде. Нет, что-то здесь не складывается. Алексей тихонько зашел в дом и, раздевшись, лег на диван, чтобы не будить супругу.

Проснувшись, утром сели завтракать. Светлана сказала:

– Я с Аней в школу, деньги надо сдать на ремонт класса и договориться, когда ремонт будем в школе делать.

– Я сегодня в ночь, – ответил Алексей. – После смены заеду к Семенычу, мне надо с ним поговорить серьезно.

– Все понятно, значит, опять придешь поддатый.

Последнее время она частенько упрекала его в этом. Он и сам замечал, что пристрастился к рюмочке. Не так чтобы очень, но все-таки иногда перебирал со спиртным. Надо немного прикрутить свои желания, подумалось ему. Вышел во двор, почистил в курятнике, затем решил наладить удочки, чтобы отправиться на рыбалку. «Съезжу в Каменку на пруд, половлю карасиков», – подумал он. Собравшись на скорую руку, выгнал со двора старую «девятку» и поехал, предвкушая по дороге удовольствие от предстоящей ловли. Когда подъехал к водоему, перед дамбой стоял шлагбаум. На нем щит, на котором белой краской была сделана надпись: «Лов рыбы и купание категорически запрещены. Водоем является частной собственностью. Штраф 10000 рублей».

– Эх, хвост, чешуя, не поймал я ничего, – проговорил Ле-ха.

Подъехал еще один рыбак, прочитал текст, плюнул, выругался и сказал:

– На все в стране нашлись хозяева! Дожились, б..., с удочкой негде посидеть!

– Хрен с ним, поехали на речку окуней половим, – пред-

ложил Алексей.

– Ты что, не знаешь? Сейчас нерестовый запрет, – сказал рыбак. – Мудаки из новой администрации штрафуют всех нещадно.

Возвращался Алексей с испорченным настроением. По дороге заехал к Семенычу. Зашел во двор, во дворе стоял запах навоза. Семеныч вышел из сарая в сапогах.

– У кабанов чистил, – сказал он. – Две доски поменял, оторвали на полу. – Заматерившись, достал сигарету и спросил: – Шо приехал?

– Ты же говорил, заезжай. Вот и приехал поговорить. Если честно... Мимо ехал, был на рыбалке.

– Ну и как успехи?

– Да никак, – сказал Леха. – Щиты висят. Лов запрещен, частная собственность и так далее. А на речке тоже запрет, мне мужик сказал.

– А ты на Каменский пруд езжай, карасей полови.

– Я только что оттуда.

Семеныч засмеялся.

– Я в прошлом году возле Каменки остановился, наломал штук двадцать початков кукурузы, хотел сварить себе. Меня охранники прихватили, дали дубинов, раза по три каждый. Теперь я понял, что хозяева везде есть. Раньше просто-му народу лучше жилось, сейчас все гораздо хуже, все поменялось... И сдается мне, что дальше будет еще хуже.

– Скажи, Семеныч, как жить, чтобы хватало?

– Так ты приехал у меня ума занять? Так, что ли?

– Понимай как хочешь. Ты сказал, раньше простому человеку лучше жилось, а сосед говорит, что раньше пахали, что сейчас.

– Пахали – это правда! Только пахари в ту пору не слишком отличались. Сейчас один пахарь борщ со свининой рубанул и курицей закусил, а другой пахарь пустой чай попил. А в среднем оба пахаря прекрасно пообедали. Вот так у нас в стране сейчас все считают. Зарплаты, пенсии и все остальное. У начальника двести тысяч, у меня семь, а в среднем все прекрасно. Хозяева на все нашлись. Ельцин со своей шайкой назначил олигархов. Отдали все кучке проходимцев. Все, что принадлежало всей стране, то, что давало бесплатное лечение, образование, ясли, сады и все остальное. Ты только вдумайся!.. Все, что создавалось при Союзе, рассовали по карманам. Что не удалось рассовать, развалили или отдали зарубежным партнерам за копейки. Это никто не скрывает от народа! Вроде бы ты не глупый, Леха, а наивный какой-то. Ты видишь, к чему пришли? Все! Халявы больше нет и не будет... Мы просто быдло, а точнее, электорат, как сейчас принято говорить.

– Можно подумать, ты раньше был хозяином, – возразил Леха.

Семеныч, пригладив мозолистой ладонью седые волосы, сказал:

– Ты знаешь... На мой взгляд, я был хозяином... Хозяи-

ном своей жизни. Все мы были хозяева, — вздохнул, — только поняли мы это поздно. Вот послушай меня. Рос я, как и ты, сиротой, если бы в это время, то пропал бы. А вот тогда образование получил. Школа, техникум, три курса института. Все бесплатно. Попал в больницу с аппендицитом, с меня рубля никто не взял. Ногу и руку ломал, болел за свою жизнь с десятков раз. Лечили бесплатно, лекарства бесплатно, пижаму чистую бесплатно, постельное белье, кормили как на убой... А сейчас? Не дай Бог туда попасть. Дети родились! Ясли, сад, школа, все бесплатно! Продленная группа в школе, я на работе, дети под присмотром. По улице ходили я, дети и жена, не боялись, ночь, полночь — никто не тронет. Наркоманов не было. Алкаши в основном были безвредные, возле магазина пятаки сшибали на бормотуху. А знаешь, почему все так? Был участковый в нашем районе дядя Гриша, кличка Пельмень. Знал всю обстановку. Не дай Бог где-то, кто-то начнет беспределить. Он даже к твоему соседу Федоровичу приходил, после того как тот молодежь поучил уму-разуму физически. Пришел и сказал: «Придешь сам, отсидишь трое суток». А потом пришли умники и дядю Гришу Пельменя с работы проводили за то, что он, видите ли, написал в протоколе: «Петров матюкался так, шо аж небу было жарко...» А надо было писать: «Выражался нецензурной бранью...» Прокурор сказал, грамотно протоколы надо писать. Слишком принципиальным оказался, к каждой заколючке цеплялся. Формально прокурор прав, а в городе после

этого такое блядство началось... И еще говорят, от одного человека ничего не зависит. А я тебе говорю, зависит! Еще и как зависит! Раньше хочешь побольше заработать, уезжать никуда не надо. Держи хозяйство, слово тебе никто не скажет. Занимайся ради Бога.

– А сейчас? – спросил Леха.

– А сейчас губернатор заявил! Скотину в области держу только я. Сейчас заготконторы развалили, колхозы развалили. Видишь, под сараем старый мотоцикл стоит? Я с заготконторой договор заключил, кроликов сдал, купил «Урал». А в то время все равно что сейчас новая машина. Заготконтора принимала абсолютно все: лук, чеснок, картошку, капусту, морковь, свеклу, шкуры животных, семена подсолнуха, тыквы. У них специальные решетки были, отделяли крупные от мелких семян. Быков, поросят, овец, кроликов... Принимали все! Пух и перо, живую птицу!.. И если пенсионеру тяжело было держать скот... как моей теще... Так рвали шиповник, боярышник, терн, вишни, сливы, груши, яблоки. Все сушили и сдавали в заготконтору. Веники принимали вообще в неограниченных количествах, лишь бы соответствовали стандартам. Березовые, дубовые и дерезовые для бани. У нас раньше безработных не было, люди за межу на огороде дрались. Сейчас огороды побросали, потому что продукцию девать некуда. Картошки на семью двадцать ведер на сезон хватает.

Вот и зарастает сейчас все бурьяном да кленами.

И это, по-твоему, ВЛАСТЬ? Это продажные суки!

Враги народа! Все стало вдруг ненужным... Картошку везут из Египта, овощи из Турции, яблоки из Польши, кур из Америки... Мед везут из Китая, мать их так!.. Никому и ничего не нужно! Заметь, раньше все сдавали в заготконтору оптом, не надо было стоять на рынке, чтобы продать один веник или кило лука. Зайди сейчас в магазин и спроси, что есть в продаже нашего, российского!.. Ни телевизоров, ни стиральных машин. Гвозди и шурупы – и те китайские. Раньше все было наше...

Квартиры людям давали бесплатно... Так что были мы, народ, хозяевами, только все просрали. Леха!

Сначала нам мозги запудрили о красивой западной жизни, а когда мы повелись на эту тему, так они и власть к рукам прибрали... Вот так и очутились мы там, где мы есть. Ваучеры Чубайс раздал, сука рыжая! И через фонды все забрали его дружки-олигархи. Лех... А ты знаешь, как людей «обували» тогда на бабки?.. Покойный директор сахзавода Бутенко раздал акции всем работникам! Золотой мужик был, царствие ему небесное. После того как он погиб загадочным образом в ДТП пришел новый директор. Первое, что он сделал, – это поставил на проходной стол, посадил человека, а на столе надпись: «Куплю акции сахзавода дорого!» Второе – это перестал платить людям зарплату, ссылаясь на тяжелое финансовое положение... Хотя до этого завод был первым среди заводов Черноземья по выходу сахара с одной тонны

свеклы. Люди каждый день, проходя мимо проходной, стояли перед выбором... Продать акции или нет. Ведь дети есть хотят, а жить надо здесь и сейчас. Стали продавать. Сначала за приличные деньги, а кода пятьдесят процентов оказались у директора, он собрал коллектив и сказал: «Все, что у вас на руках, – это просто бумага! Если хотите, я выкуплю оставшиеся акции, а нет, тогда можете ими задницу подтереть...» И все, у кого они остались, отдали ему акции практически за бесценок. Через год он продал завод, а те – третьему. А вот теперь завода, который был первым в России, больше нет. Ты что, не знал об этом, Леха?

– Да я и не особо интересовался... Развалился и развалился... Слушай, Семеныч... Может, так надо? Может, про наш завод ничего не знают? А может, мы дураки и чего-то не понимаем?

– Те, что сейчас у руля, – сказал Семеныч, – это банда, докравшаяся до власти. Они всю жизнь хотели хапнуть и свалить за рубеж. У них это получилось. Жаль, что не все свалили, видать, еще не на хапались. Зато те, кто рулил до них, до Горбачева и до Ельцина, хорошо понимали, что такое Запад. Потому и вколачивали деньги в оборонку, в ядерные боеголовки. Иначе мы с тобой за бутылку пепси пахали бы или с протянутой рукой на паперти под церковью сидели.

– Ну, допустим, мы и сейчас не в масле купаемся, – возразил Леха.

– Эх, Леха, – вздохнул Семеныч, – не видел ты смаленого

волка.

Леха по-другому посмотрел на своего пожилого коллегу. Он понимал, что Семеныч прав. Больше того, со своей рабоче-крестьянской жилкой он является выразителем мнения огромного количества народа. Он поймал себя на мысли, что этот пожилой человек гораздо умнее его и глубже понимает всю действительность и трагизм происходящего и произошедшего. Он стал для него таким же откровением, как отец Никон и отец Лаврентий.

– Спасибо тебе, Семеныч.

– Да за что спасибо-то?

– За науку!

– Я тебе науку еще не преподавал... Если хочешь жить, чтобы всего хватало, сначала укороти свои хотелки и хотелки супруги с дочкой.

– Они у меня не транжиры.

– Может, и не транжиры, но шаг лишний не ступят, чтобы копейку с земли поднять. Ни хозяйства у тебя, ни огорода... Интеллигенция, мать вашу так... Для простого человека не изобрели другого способа, кроме возможности вкалывать от зари до зари. Я не беру Кислова Витьку... На него пашут три семьи. Мать с отцом, он у них один. Тесть с тещей, дочка у них одна. И бабка с дедом. Сами они с женой работают. Потому он и быстро построился, и новую машину купил. А вот я всю жизнь упираюсь один, помогать некому и надеяться не на что. Сам помогаю двум дочкам с внуками. Одна в разво-

де, вторая и сама не знает, чего хочет. Теща у меня лежащая, уход постоянный нужен... Покажи мне хоть одного работягу, который построился бы за одну зарплату быстро. Когда я начал строиться, у меня самогон тек рекой. Для ребят я не жалел, которые мне помогали, и на продажу гнал, чтоб деньги были. Кролей под сотню штук каждый год, кур десятка два-три, двое поросят...

И так из года в год. На стройку деньги нужны, людей кормить и семью содержать... Вот так, дорогой, я с десятков лет строился. А в результате что я построил? По меркам новых русских, мой дом – это скворечник. Каждый год я по двести веников вязал на продажу для бани. Раньше при каждом колхозе была техника, людям огорода вспашут, задискуют и заборонят. Сейчас колхозов нет, техники нет... Много ты сам лопатой и вилами обрабатываешь? Вот и бросают люди земельку. Продукцию девать некуда, все это результат неправильной экономической политики. А честнее сказать... Россию разваливают сразу по всем направлениям. У руля алкаш, разваливший Союз, и с ним банда... Гайдары, Чубайсы, Бурбулисы, Шахраи и Козыревы...

Это еще те мрази, продавшие Россию. Нам их деятельность еще лет пятьдесят будет аукаться. Я за всю мою жизнь не был ни на югах, ни на курортах.

Вот так, Лешка, я живу, чтобы мне хватало. И еще скажу тебе... Ты вот с работы домой и в люлю, а я хватаю косу – и в поле косить траву, скотина жрать хочет. Затем тяпку – и

на огород бурьян полоть. Затем жука травить, чтобы картоху не сожрал. За все время богатым я не стал, но и с голоду не пухну. Так что по-разному люди живут. Я живу как умею, а ты выбирай, как ты будешь дальше жить со своими душевными метаниями. Я понял бы тебя, если бы ты жил один... Но раз уж у тебя семья, поменьше ты задумывайся и больше вкалывай, тогда и денег хватать будет, и в семье лад... Если, конечно, менты, не прихватят. Ты и сам знаешь... От суммы да от тюрьмы не зарекайся.

– Ну что же. Поговорил я с тобой, Семеныч. Ума набрался. Только вот я одного не пойму, ты же уж и не молодой, а не боишься, что кони двинешь от такой работы...

– Бойся не бойся, а жить надо. Вот и приходится вкалывать, пока ноги носят.

– Эх, ладно, Семеныч, я пожалуй, поеду. Спасибо тебе за науку.

– Та нема за шо. – И, подумав, добавил: – Ну ты заходи, если шо...

На работе поделился своим негодованием по поводу платных водоемов и всевозможных запретов. Понимание нашел почти у всех людей, кроме одного. Это был его коллега, Виктор Кислов, на которого пахали три семьи, как сказал Семенович.

– Пусть люди занимаются, рыбку выращивают, – сказал Кислов. – А ты, Леха, после нерестового запрета порыбачишь на речке.

– Так рыбаков же много. Не я один, всем порыбачить охота.

– Теперь у кого бабки, тот и пан. Раз пруд в аренду взяли, значить, денежки были заплатить кому надо. Раньше и при деньгах купить было нечего, а сейчас покупай что хочешь... Пруд, лес, пахотную землю.

– Ты не загибай, все, что ты перечислил, можно взять лишь в аренду. А жопу ты дерешь, потому что деньги у тебя халявные появились.

– Вы мои деньги не считайте... Сейчас что хочу, то и покупаю, и торгую чем хочу. При Сталине небось за шкурку и в кутузку.

– Много ты знаешь про то время.

– Да уж наслышаны, сколько народу загубили, целые книги написаны и в газетах статей сколько...

– На заборе «х...» написано, а попробуешь – доски. Ты, Витя, меньше всякую брехню читай. Ты задумайся вначале, кем эти книги написаны? При Сталине страшную войну выиграли, страну подняли из руин, оборонку наладили, атомную бомбу создали... При нем такого беспредела не было, хоть и попадали под раздачу невинные люди. Но это можно объяснить войной и той обстановкой, что была тогда. А чем можно объяснить то, что происходило при Горбачеве и при Ельцине? Все развалили, народу загубили немеряно и не считано. При Горбачеве народу потравились с его сухим законом столько, что не всякая война с собой заберет. Пили

всякую политуру, наркота при нем пошла гулять на полную катушку. При Ельцине – просто мрак... Только за то, что он развалил Союз, он должен быть проклят всеми последующими поколениями. Сколько при нем народу погибло в чеченских войнах и в бандитских разборках девяностых годов. Предательство этих деятелей будет аукаться нашим людям не одно десятилетие. Вот помяните меня, я все сердцем чую.

– Да ну тебя!.. Вечно ты, Семеныч, недоволен. Подумаешь старые алкаши померли.

– Да нет, Витя, не только старые. Умирали всякие. Я не с луны упал сюда, я местный. Я знаю, что теща твоя, Витюша, когда работала в аптеке, торговала пустырником, боярышником и прочей аптечной лабудой. Когда наш секретарь райкома установил зону трезвости, тогда тещенька твоя и домик быстро построила. К ней тогда и на пьяной козе не подъедешь. Весь район к ней за аптечным коньяком бегал (так называли тогда пустырник), а закончила она это дело, когда молодых пацанов еле откачали в реанимации. А один, кстати, помер тогда...

Наливаясь кровью, Кислов сказал:

– А ты самогоном не торгуешь? Или раньше не торговал?

– Я торгую и, к сведению, сам пью. И от моего самогона никто не помер.

– Да ну хватит вам уже собачиться, – сказал Рындин.

Семеныч не унимался.

– Ты бы нам, своим товарищам, разрешил порыбачить на

пруду в Каменке... А то нехорошо получается, ты вместе с участковым пруд втихаря в аренду прибрал, а нам ни гу-гу.

– А кто вы такие, чтобы я перед вами отчитывался...

– Ты прав, Витя, после того как ты с ментами связался, ты нам действительно никто. Про Сталина речь толкаешь, а с ментами шуры-муры крутишь за спиной у товарищей.

После этого разговора Семеныч вышел из бытовки.

– А откуда ты узнал про Кислова? – спросил Леха.

– Какая разница!.. Главное, что узнал от посторонних людей!.. А Витя нам ни слова, хотя рискуем вместе, значит, не все здесь гладко. Недаром говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты...»

Время шло. Алексей иногда не приходил домой ночевать, каждый раз оправдывая свое отсутствие работой. Светлана не знала, что и подумать. Первая мысль: у него кто-то есть... Кто-то на стороне, он ведь такой бабник. Но в момент близости она чувствовала, что он любит ее. Ведь ничего не менялось в отношениях. Однако непонятная тревога не давала покоя.

Однажды в дверь постучали, и Светлана услышала: «Откройте, милиция!»

У нее задрожали руки... Открыв дверь, она увидела на пороге несколько человек. Двое в милицейской форме, чуть впереди прилично одетый в штатском, сзади двое гражданских, на вид типичные бомжи. Тот, что был в гражданской одежде, достал удостоверение и произнес:

– Капитан Семенец, у меня ордер на обыск в доме. Я так понимаю, вы жена Артемова Алесея Николаевича.

– А что случилось? – спросила Светлана встревоженно.

– Ваш муж подозревается в хищении дизтоплива. При попытке задержания ваш муж сбежал и сбил человека на своей машине. Пострадавший сейчас в больнице. Если вы знаете, где находится или где может скрываться ваш муж, вы должны сообщить нам об этом.

– Ничего я не знаю!.. – обреченно сказала Светлана.

– Ну что же... Приступим к обыску.

– Хорошо, что Анечка у подруги и не видит этого кошмара... – прошептала Светлана.

Перевернули в доме все, и из зала донесся голос милиционера:

– Товарищ капитан, нашел, под диваном, вот, – и протянул четыре патрона, два пистолетных и два чуть подлиннее, видимо, автоматных.

– Теперь еще и хранение боеприпасов прибавится, – сказал Семенец. – Если увидите мужа, посоветуйте ему добровольно явиться в милицию. А то у вас в больнице тоже могут возникнуть неприятности, например, пропасть наркотические вещества...

Оформив все необходимые формальности, вся группа, проводившая обыск, удалилась. Забыл сказать Семенец, что во время задержания ввалили Лехе дубинов по первое число, и он, вырвавшись, ударился в бег. Светлана присела

на диван, посидела минут пять и вслух произнесла:

– Леха, Леха, что же ты наделал?

Собравшись, она отправилась к старшему брату мужа, Сергею. Как выяснилось, муж был у него.

Рассказав обо всем, что произошло, она расплакалась.

– Успокойся... – сказал Сергей. – В этой ситуации, ребята, без адвоката не обойтись, причем хорошего. И необходимо снять побои, чтобы все было конкретно. Ты постарайся, Света. Тебе, Алексей, надо сдаваться, всю жизнь не пробегаешь. С деньгами поможет сосед Федорович, потом отработаешь.

– А откуда у него деньги? – спросил Леха.

– У него связи покруче, чем у меня!

Филинов Анатолий Васильевич, в прошлом следователь прокуратуры, а ныне практикующий адвокат, имел хорошую репутацию. Сдача в милицию происходила в его присутствии. Капитан Семенец широко улыбнулся и наигранно воскликнул:

– Алексей Николаевич Артемов пожаловал, собственной персоной. Мы, признаться, с ног сбились, все искали, где же наш преступник, где же наш ворюга и бандос.

Адвокат резко осадил Семенца одной фразой:

– Кем является гражданин Артемов, мы выясним после суда. Прекратите оказывать давление на моего подзащитного.

– Перейдите в кабинет следователя, пусть теперь он с вами разбирается.

Дальше началась рутина... Где родился, когда крестился, где работал, как жил, с кем воровал. Леха подельников не сдал, натянув одеяло по полной на себя. Обычно адвокатов не жалуют за непомерную жадность и желание угодить вашим и нашим, но Анатолий Васильевич оказался человеком, по-своему порядочным. Алексей убедился в этом, услышав случайно разговор следователя с адвокатом.

– Не надо делать из Артемова монстра. Он не бандит и не убийца. Попытка хищения – это да. Вот за это он и ответит. Человека сбил? Возможно... Но он явился сам и дает признательные показания. Человека сбил не умышленно, удар был не фронтальный, а скользящий, он вообще мог и не видеть, что задел человека, он уезжал между гаражами.

– Тем не менее, он направится в следственный изолятор до выяснения всех обстоятельств, тем более что подельников он не назвал.

– Это потому, что их не было, – сказал адвокат, – иначе бы их всех задержали.

Несмотря на возражения адвоката, Леха очутился в Старооскольском сизо. Ночью дверь в камеру отворилась, и раздалось:

– Артемов, на выход. Руки назад, лицом к стене.

Семенец ухмыльнулся и сказал:

– Адвокат с тобой на нарах не лежит. Лучше ты от него откажись, ты человек не богатый. Зачем тебе деньги тратить? Ты назовешь мне, с кем таскал солярку, а я тебя трогать не

буду. Ты же знаешь... Здесь и туберкулезные сидят, и сифилис гуляет, полно всяких маньяков. Представь, ты заснешь, а тебя придавят тихонько, и хорошо если убьют, а если покалечат? Были случаи, когда люди выходили отсюда инвалидами, зараженные туберкулезом, сифилисом, с разорванным задним проходом, с выбитыми зубами, с отбитым мочевым пузырем.

Представь: идет человек, а на ходу моча течет, весь обосанный, обосанный и никому не нужный... Потому что не хотел сотрудничать со следствием. А были случаи, когда человеку запикивали в рот полотенце, и все думали, что он удавился сам. Ну что ты молчишь? Я ведь просто предупредил тебя и рассказал, что с тобой может случиться. Здесь бывало разное. Сидел один мужик гораздо крупнее тебя, не такой, как ты, задохлик... Так вот пока он сидел, изнасиловали его малолетнюю дочку. Жену пустили на хор... Кто? Что? Никто ничего не знает... Он в милицию обратился, а они никого не нашли. А все потому, что он с адвокатами якшался, вместо того чтобы сотрудничать с органами дознания. Если мы найдем людей, с кем ты работал в ту ночь, тебе точно кирдык. Лучше признайся сам, добровольно, как было дело. Ты же не хочешь пропасть где-нибудь в лагере с концами. Ты подумай, может, тебе лучше отозвать свою жалобу об избиении? Мы знаем, что это жена приложила руку, поскольку работает в больнице. Но ты имей в виду, мы достанем кого угодно... Что же ты все молчишь? Артемов? Мне не нравится,

когда молчат!.. Я могу устроить тебе здесь такую жизнь, что ты волком взвоешь!.. Могу и жене твоей, и дочке проблемы создать. Ты мне веришь? Еще раз спрашиваю... Ты мне веришь?

– В камере мне сказали: «Не верь, не бойся, не проси...»

– О как... Пробыл в камере один день, а уже наблатыкался, научили. Пусть тогда тебе и расскажут, в какую задницу и ты, и семья твоя попали.

– Зачем ты меня мусолишь целую ночь?

– Какая ночь? У меня день. Часов у нас нет, значит, день. В общем, смотрю, сознаваться ты не хочешь, придется сказать бандосам, что воровал у них солярку... Сам знаешь, все принадлежит кому-то, безхозного ничего нет... Раз не хочешь говорить со мной, пусть они с тобой разговаривают. В последний раз спрашиваю, ты будешь говорить?

– Послушай, капитан... Тебе лично ни я, ни моя семья ничего не сделали. Если с моей семьей приключится беда, лучше убей меня сразу, иначе тебе тоже не миновать беды...

– Ах ты, сучонок! Ты мне грозить вздумал?.. А ну-ка отведите его в другую камеру!

В камере было двое. Один сиделец сказал:

– Что, менты настращали? Ничего не бойся, мы не беспределышки.

Второй поднял голову:

– Плюнь на все! На мусорские уговоры не ведись и ничего не бойся. Они на любую подлянку пойдут, лишь бы себе

звезды на погоны и должность выбить. На сколько наговоришь на себя, на столько и подсядешь.

До утра Леха не сомкнул глаз, ему все казалось, что его удавят, когда он заснет. Ведь все происходило с ним впервые. Он не знал, кому и чему верить?

Утром его опять перевели в другую камеру, все время он спал урывками, все время в напряжении. Впечатлительным он не был, но слова Семенца изрядно напрягли его.

В камере, куда Алексея перевели по указанию опера, Семенца, среди двух сидельцев один оказался его ровесником и бывшим коллегой. Этот сиделец, которого звали Денис, на заре своей юности трудился на железной дороге. Он рассказал, что бросил железку из-за жены. Работал машинистом на магистральных локомотивах. Дома, из-за работы, почти не бывал. Рассказал о том, что в каждом доме бригад, где ему приходилось отдыхать, он имел связи и женщин. Алексей усмехнулся и подумал: «Неужели этот обмылок был кому-нибудь нужен? Врет, как дышит, подумаешь, мачо, без слез не взглянешь. Зубы как штакетник, худой, нескладный, к тому же его бросила жена, значит, любовницам он точно не нужен. Неухоженный, заросший, с виду настоящий бомж. Однако, при всей видимой неказистости, Денис выказал удивительное знание законов».

В разговоре с Алексеем он сказал:

– Тебе повезло с адвокатом. Есть адвокаты, которые задницу от стула не оторвут за те деньги, что ты ему заплатил. А

есть адвокаты, которые деньги берут, но ничего не делают. У тебя, судя по твоим словам, оказался нормальный, поэтому, несмотря на патроны, найденные при обыске, выскочишь ты на условный срок. Но моли Бога, чтобы выжил мужик, который попал тебе под машину. Если у тебя жмурик нарисуеться, тогда самое малое – это колония-поселение... Если, конечно, не откроются новые обстоятельства дела.

Разговоры в камере были довольно однообразные. У каждого свое горе, свои обиды. Разные люди, разные характеры. Кто-то материл подельников за длинный язык, кто-то материл ментов, но никто не ругал сам себя, хотя каждый человек – сам творец своего «счастья». Если вдуматься в ситуацию, в камерах, где был Алексей, находились люди, про которых обычно говорили «дурной да бедный», ни депутатов, ни начальников в камерах не было, кругом одна рванина. Денис ругал только жену. Алексею стало интересно. Почему не ментов, не подельников, а жену?

В разговоре стало понятно, что этот «мачо» настрогал четверых детей и уклонялся от алиментов. По молодости таскался по бабам, пока жена рожала и растила детей. Устав от своего любвеобильного супруга, подала на развод и на алименты. Поскольку, уйдя с железки, Денис постоянной работы не имел, накопился солидный долг по алиментам, и, как следствие, его стали дергать в милицию, заставляя работать и помогать малолетним детям. Он возвращался домой, устраивал скандал, опять оказывался в милиции. Так

длилось до тех пор, пока он не оказался в камере рядом с Алексеем после устроенного дома мордобоя. Находясь в камере, Денис пытался произвести впечатление на сокамерников, всячески показывая свою образованность и компетентность во всех жизненных вопросах. В беседе с ним создавалось впечатление, что рядом находится «профессор околосыаческих наук», знаток литературы, а главное, знаток женщин... Но через пару часов беседы становилось ясно, что его рассказы – это ширма, за которой нет ничего, кроме старой ободранной стены, которую закрыли этой ширмой, чтобы не срамиться перед людьми. Алексея перевели в предыдущую камеру, присмотревшись к сокамерникам, он успокоился и первый раз заснул крепким сном.

Размышляя о своем ближайшем будущем, Алексей видел не радужные перспективы. Разговор с Денисом окончательно расстроил его. «Сколько разных мудаков на белом свете, – подумал он. – Меня, старший брат Сергей по жизни тянул из болота. А этот мачо настрогал четверых детей и положил на семью с прибором. Самое главное, что у него голова не болит о детях абсолютно. Жену материт последними словами, а ведь она мать его детей. Даже если она в чем-то и виновата, при чем же здесь дети?»

У Алексея в голове это не укладывалось. Однако в одном Денис оказался прав. Адвокат Филинов действительно помог. Уладил вопрос с обнаруженными во время обыска патронами. О подельниках речь тоже больше не шла.

Загремел Леха в колонию-поселенияеза непредумышленное убийство. Мужик, попавший ему под машину, умер в больнице. Он оказался не бездомным, а вполне обыкновенным мужиком, случайно попавшим в гараж, где влетел в Лехину девятку, когда тот уезжал от ментов. Федорович сунул родственникам немалые деньги, чтобы те не поднимали еще больший скандал. Удалось избежать реальной тюрьмы, но в колонию-поселение пришлось отправляться.

– Деньги отрабатывать придется, – сказал Федорович. – Они взяты у серьезного человека, там халявы не бывает.

«Ее уже давно нигде нет, – подумал Леха. – Мне об этом Семеныч давным-давно сказал».

И все-таки была какая-то странность во всех событиях, произошедших с Алексеем. «Почему прихватили только меня в гаражах, а мужиков за забором не тронули? Наоборот, должны были быстрее их нахлобучить. Если пасли, конечно, не случайно, тогда многое объяснялось».

Внимательно поразмыслив, Алексей пришел к выводу, что его кто-то тупо сдал. Причем сдал тот, кто знал весь расклад. Что теперь толку искать виноватых? Что случилось, то случилось. Все, что произошло со мной, – это следствие погони за деньгами. Хотелось заработать побольше, чтобы жить получше. Зачем искать крайних, ведь я прекрасно понимал, чем все может закончиться. Вокруг меня таких, как я, много. Кого ни спросишь, то зерно тянул с элеватора, то бензин, то солярку. Бывшего сокамерника Колю в лесу при-

хватали с пиленным лесом. На кого ни посмотришь, все сидят, по сути, за всякую мелочь. Все, как и Алексей, старались для своей семьи. Только один зарезал по пьянке соседа да Денис устроил дома мордобой из-за алиментов. Все остальные хотели лучшей жизни для себя и своих детей. Всем им грозили штрафы и условные сроки или небольшие реальные сроки. Кроме того, который зарезал соседа.

Когда прибыли в колонию-поселение, мужики просветили. Здесь не надо борзеть, если не хочешь реальный срок получить и уехать на зону. В колонии Алексей сблизился с одним сидельцем. Не молодой, но крепкий мужик с синими от наколок руками был настолько спокойным, что, казалось, его невозможно вывести из равновесия. В то же время он мог выкинуть шутку в адрес любого, кто находился рядом. Молодым он постоянно повторял:

«Не блатуй, а то попадешь в непонятное». Звали этого сидельца Пашка Котов, кличка Кот. Попал он в колонию за то, что отрифтовал молотком какого-то хачика. Хачик выжил, но получил тяжкие телесные, и Кот отправился в колонию.

– А почему не на зону? – спросил Леха в разговоре.

– Потому что хач ко мне домой ввалился со своей шалавой и начал права качать. Суд это учел.

В разговоре выяснилось, что Кот знает Лехиного соседа Федоровича. Он отбывал с ним первый срок. Алексей поведал о том, что Федорович помог ему деньгами. Отозвался Кот о Федоровиче с большим уважением одной фразой:

– Настоящий мужик, за слова отвечает.

После этого разговора Леха стал замечать, что отношение к нему стало меняться. Среди таких же как и он сам собратьев по несчастью стало чаще звучать не Леха, а Николаевич.

– Николаевич, купчик будешь или чифирку? – спросил Юрка, с которым Алексей прибыл по этапу.

– Давай чифирнем! Только пошли к Коту.

Захватив пачку черного чая, пришли к Пашке Коту.

– Вы неправильно чифирите, – сказал Кот, достал селедку и добавил: – Вот так раньше было. Селедку принесут, все ее грызли и хлебали чифир по кругу. Раньше, чтобы первый раз ларек или передачу получить, больше полсрока отсидеть надо было, если, конечно, ты по серьезу подсел, а не за всякую херню. Чай был на вес золота. Вы себе и представить не можете, что такое строгий режим.

Вам, молодым, кажется, что сейчас вас наказали, а на самом деле мы все в сказке. Жратвы навалом, чаю навалом, живу как хочу, даже телки иногда навещают меня. Так что я это горе на одной ноге отстою, и клал я с прибором на всех.

– А тебе не страшно? – спросил Алексей. – Живешь как бирюк. Один, ни жены, ни детей.

– Все у меня было Леха, только все ушло. Жизнь не задавалась. Ты тоже из той обоймы, которые на столе найдут лужу и в ней утонут. Тебе надо Бога молить, чтобы не спотыкаться и не стать таким, как я.

– Я и так Бога молил. За деньгами гонялся всю жизнь.

Кот посмотрел на него исподлобья и сказал:

– Гоняться не надо! Думать надо! Мои советы стоят дорого, но тебе дам совет бесплатно. Сейчас время такое настало, можешь сразу все взять, а можешь жизнь проиграть.

– Так что? В столицу подаваться? – спросил Алексей.

– Кому ты там нужен? Там покруче тебя есть. И посильнее, и поумнее. Тебе после отсидки надо на Севера подаваться. Там сейчас золото втихаря старают, оптом китайцам толкают. Икру тоннами гонят в центральную Россию. Да и другое разное. Мы тебе с приятелями концы отдадим за долю, чтобы нам на старости не мучиться, чтобы деньги были на дожитие.

– Чего же сам не хочешь подзаработать?

– Ноги у меня больные и старый я по Северам мыкаться. Тебе все равно деньги отрабатывать.

Деньги-то общаковские. Ты не старый, пальцы не гнешь, стариков уважаешь, не жадный, а кроме того, мозги у тебя варят. Фарту бы тебе по жизни, цены бы тебе не было.

– Я подумаю, – сказал Леха.

– Думай не думай, а отрабатывать придется. Откажешься – дурак будешь. Без связей и без денег ты никто. Любое дело начинать с деньгами надо, иначе тебя не пропустят. И в одиночку ты ничего не сможешь.

Алексей долго думал. То казалось, что предложение хорошее, а порой казалось, что в случае чего можно огромный срок взвалить на свою шею. А могут и вообще башку отбить,

если где-то дать промашку. Здесь не солярка, здесь сходятся интересы очень многих людей, людей серьезных, и по всему видно, что Пашка Кот хоть и не шестерка, но явно не самый главный козырь в этом раскладе. «Зачем-то я ему нужен. Скорее всего, ищут претендента на какую-то роль». Через время Кот вернулся к этому разговору, оставшись с Лехой наедине, он сказал:

– Мы, старики, остаемся не у дел, молодые лезут наверх по головам, никакого уважения. Делиться никто не хочет. За тебя мы впряжемся, если правильно вести себя будешь. Только ты подойди ко всему умно, будешь брать на горло – тебя затопчут, и никто тебе не поможет. Присмотрись, посмотри на людей и без лишней суеты прибирай все к рукам по-хорошему. Я кому надо подсказу, людей нужных тебе дадут. Тебе и самому зарабатывать надо, поэтому эта тема выгодна и тебе, и нам.

– А вам – это кому?

– В пятницу ко мне приедут люди, они поговорят с тобой. Если сочтут, что ты им нужен, считай, что ты выиграл в лотерею. А если сочтут, что не нужен, разговора у нас с тобой не было. Если ты им понадобишься, уедешь ты отсюда по УДО в скором времени и поедешь куда направят, вглубь страны, зарабатывать большие деньги.

В пятницу на трех иномарках приехали «родственники» Кота. Пригласили Леху. Один ровесник Кота, остальные гораздо моложе. Тот, что постарше, взглянул на Алексея цеп-

ким взглядом и произнес: «Много званных, да мало избранных». Алексей понимал, что это те люди, от которых зависит его ближайшее будущее.

– Не волнуйся! Одного тебя никто в море не бросит. При тебе поедут двое парней. – И показал рукой на двух ребят, стоявших сзади. – Они помогут всегда. Главное, не беги быстрее паровоза. Твое дело по месту зарегистрировать несколько фирм и наладить сюда доставку леса, точнее, пиловочника.

– Я не знаю, уважаемый, как вас зовут, но хочу заметить, что леса у нас завалились, везут отовсюду.

– Я Юрий Петрович. Теперь слушай и не перебивай. Там лес другой, ствол как струна, наверху небольшая крона, поэтому доска и брус без сучков. У нас продают лес весь в сучьях, для мебели он не годится. Кроме того, мы решим и подскажем, что будешь возить оттуда сюда. Повторяю. Твоя задача – зарегистрироваться и нарабатывать связи, обрастать знакомствами. Тебе надо выйти на железнодорожных чиновников, в этом деле ты человек не новый, всю кухню на железке знаешь изнутри. Иногда с простым работягой дешевле и проще решить вопрос, чем с большим начальником. О доверии говорить не будем. Хитрить тоже не надо... Может выйти себе дороже. После того как ты отсюда выйдешь, деньги на раскрутку, на жилье и на офис получишь у Федоровича. Можешь ему говорить спасибо – это он за тебя просил. Хитрить не пытайся, все видно, как сквозь стекло. Мы похлопо-

чем за тебя, деньги многие двери открывают, как и связи.

Приехала жена Светлана на свиданку. Рассказала последние новости.

– Семеныч приезжает часто. Привозит деньги. Недавно мешок сахара привез, сказал, это на варенье, чтоб тебе слаще отбивался срок. Сала копченого кусок тебе передал и привет от всех. Сказал, что «мы своих не бросаем», ты поймешь. Сергей приедет к тебе через месяц, пока занят. Все бы и ничего, только по тебе скучаю сильно. Разлука не прошла даром.

Утром, взглянув на него, Светлана улыбнулась лукаво и произнесла:

– Я тебя таким только при первом свидании помню. Часто приезжать не смогу, у меня теперь хозяйство. Куры, собаку Семеныч подарил, Анечка завела кота.

– А его не Пашка зовут? – с ухмылкой спросил Алексей.

– Нет. Аня назвала кота Барсик.

Прощаясь, Светлана сказала еще раз:

– Часто приезжать не смогу. Работа и дела домашние.

Леху неприятно резанули эти слова. Как ни крути, семья не рядом. Он еще не старый, жена моложе на шесть лет, он ревновал ее и мучился от этого. Приехавший брат Сергей в разговоре уловил тревогу Алексея. Произнес грубо:

– Если свекровь б...ь, то она снохе не верит! Ты либо разведись, если у тебя кишка тонка, либо гони от себя всякие дурные мысли. Тем более, что и ты не монах и не ангел.

Слова брата легли на благодатную почву. Взвесив все за и против, он отогнал от себя дурные мысли и тем самым несколько успокоил себя. Задавая вопрос, есть ли у Светланы кто-нибудь, сам себе отвечал: «Пусть будет, как будет. Мои душевные мучения ничего не изменят». Хотя мысли периодически задевали его самолюбие, он гнал от себя всякие подозрения в адрес Светланы. Виделись они от свиданки до свиданки. Все встречи превращались в праздник и бурю эмоций. Чувство вины за то, что заставил переживать и мучиться свою жену, сменялось чувством ненависти к оперу Семенцу, явно перегнувшему палку. Незаживающей раной в сердце лежали слова Семенца о том, что он может поломать ей жизнь. Это чудовище пыталось пугать ее наркотиками. За все, что я натворил, я должен отвечать сам, семья здесь ни при чем. Любой зверь, защищает свою семью и своих детей. Человек тем более обязан делать это, любовь к семье превышает всего.

Выполняя любую работу, он постоянно думал: «Почему мне не везет? Все время стараюсь заработать, а ничего не получается». Часто вспоминались слова отца Лаврентия: «Каждый несет свой крест, причем Господь дает тебе ту ношу, которую ты способен вынести...»

– Значит, я все смогу, значит, всего добьюсь. С одной оговоркой, если Бог поможет.

Стараниями Юрия Петровича, или Пашки Кота, а может, Божьим промыслом, Леха вскоре оказался на свободе. Ка-

кое счастье возвращаться домой, в привычный мир, где нет ограничений, где нет липкого страха в любой момент сделать неправильный шаг и за секунду превратиться из уважаемого человека в изгоя. Впервые за всю жизнь он задумался о скоротечности жизни, о неумении ценить каждую минуту, данную человеку Богом. Наверное, только в минуты потрясений, испытаний или в минуты счастья большинство людей начинают задумываться о возвышенном и вечном. А также испытывают страх потерять привычное, то, что дорого, страх потерять близких людей. Находясь в таких раздумьях, он не заметил, как такси подвезло его прямо к дому. Войдя во двор, он увидел, как к нему приближается маленький щенок, выдавая его присутствие залиvistым лаем. Выбежала из дома Светлана, за ней дочь Анечка. Постояли минуту втроем, обнявшись, затем пошли в дом.

– Как собачку зовут? – спросил Алексей.

– Собачку зовут Сквозняк, – ответила Аня.

– Кто же ему такую кликуху приклеил?

– Кто подарил, тот и назвал, – сказала Светлана и добавила: – Семеныч привез.

– Папа, он прикольный и очень умный.

К застолью подошел сосед Федорович. Поздоровались, поговорили. Леха, сидя за столом, передал привет от Пашки Кота. Федорович не выказал особой радости, только коротко сказал:

– Помню его хорошо, вместе чалились.

После застолья Алексей коротко рассказал о встрече с Юрием Петровичем и о его предложении отправляться в дорогу.

– Я все знаю, – сказал Федорович. – В одном они правы, время сейчас интересное. Что я тебе еще скажу, делай все по-умному, держи нос по ветру, как почувешь, что пахнет жареным, сдергивай оттуда вовремя. Ты ведь знаешь, войти куда бы то ни было гораздо проще, чем выйти. В старину говорили: вход рубль стоил, а выход два. Ну раз у них на тебя есть планы, я думаю, что с разбегу в говно тебя не сунут. Дальше смотри сам. У меня к тебе просьба, перед тем как ты подашься на Севера, надо сделать подгон на зону. Через вертухаев пробовали, ни в какую. У тебя на железке связи, они на промку вагоны подают, ты подумай, как вопрос решить. Но помни, если передачу оседлают, считай, что я попал, а со мной и ты.

– Твой человек там должен знать, что передача придет с конкретным вагоном.

– Не волнуйся, он уже знает. На вагоне мелушком кое-какую пометку сделаешь.

Леха долго думал и решил поехать к Семенычу. Обнявшись на пороге, поблагодарил за помощь семье.

– Как твои дела, Семеныч?

– Дела, как у арбуза, живот растет, а хвостик сохнет.

– Семеныч, есть просьба. Надо на зону подгон сделать. Я знаю, ты делал, и не раз.

– Тут надо сыграть в темную, – сказал Семеныч. – Чтобы ни машинер, ни составила ничего не знали. В случае если спялятся, они не при делах.

– Нам палиться нельзя, Семеныч, иначе мне вилы.

– Я помогу тебе зарядить вагон. Если передача серьезная, пусть ее раздробят и запаяют в целлофан плотный. Остальное – мое дело. Как только придут вагоны, зашлем передачу.

– А что еще для этого надо?

– Голову на плечах!..

Приняв от Федоровича две тугие «куклы», сделанные по рекомендации Семеныча, он отправился на железку. Семеныч узнал, когда будут подавать вагоны, забрал передачу у Алексея и наказал ему строго-настрого:

– Стой и смотри, чтобы рядом не было никого.

Через полчаса он вернулся.

– Ну ты, Семеныч, волшебник. Все быстро сделал.

– Волшебник я буду, когда адресат посылку получит. Раньше я за такие посылки получал номер от автоматической камеры хранения, что стояла на вокзале. И в этих камерах для меня стояли чемоданы с благодарностью. Во времена дефицита чего там только не было.

Нарисовав мелом несколько условных цифр на вагоне, Алексей с Семенычем отправились в машину ждать, когда вагон попадет под выгрузку. В полвторого ночи вагон попал по назначению, а в шесть утра после выгрузки его вытащили на станцию. Взглянув на вагон, Семеныч улыбнулся и сказал:

– Слава Богу, посылка дошла до адресата.

Алексей вдруг вспомнил, как когда-то упрекнул своих подельников за то, что вспоминали Бога где надо и не надо. Сейчас, как бы оправдывая себя, он подумал: «Там наверху лучше нас знают, что в этой жизни правильно, а что неправильно».

Вернулись домой к Семенычу, выпили за успех проделанной операции. Расставаясь, Семеныч сказал:

– Не хотел я сразу говорить тебе, но сдается мне, что это Кислов с соляжкой нас продал. Все на нем сходится!

– Да хрен с ним! Каждый получит то, что заслуживает. Как говорил отец Лаврентий.

Через день зашел Федорович в хорошем настроении.

– Зайди ко мне домой. Тебя люди хотят видеть.

Алексей не удивился, когда у двора Федоровича увидел знакомые иномарки Юрия Петровича. В доме за столом сидели Пашка Кот, Юрий Петрович, рядом стояли два парня, которых рекомендовал Юрий Петрович в свое время как будущих Лехиных попутчиков в предстоящей поездке.

– Здравствуй, Леха, – сказал Кот. – Я думал, ты больше к делам ни ногой, а Федорович обрадовал. Сказал, что ты людям хорошим помог, передачку передал. Теперь мы точно знаем, что голова у тебя на плечах есть, и ты с нами.

– Я агентом по доставке не нанимался, помог из уважения к Федоровичу.

– Молодец. Это мы его попросили, а он тебя, – сказал

Юрий Петрович. – Значит, так, гуляешь неделю, затем в дорогу. Деньги отрабатывать надо. Возьмешь чемодан у Федоровича, в нем адреса и все, что нужно. И помни, в дорогу без вариантов.

Так незаметно для себя Алексей влез в хомут, который вынуждал, покинув семью, выезжать из дому. На прощанье он упрекнул Федоровича:

– Не думал, что ты во всем с ними завязан.

– Я и с ними, и с тобой тоже.

Объясняя Светлане причины отъезда, он сказал:

– С работой здесь напряженка и платят гроши. Там люди деньги лопатой гребут.

– Я тебе лопату вышлю, чтобы деньги грести, – сказала она с явным сарказмом. – Езжай в добрый час, только не вляпайся никуда. Возьми адрес дяди Коли и тети Любы, в гости к ним заедешь.

Уезжая на восток, Алексей был не спокоен. Опять семья вдали, еду непонятно куда и зачем, как в песне «А я еду за туманом». Вглядываясь в ближайшее будущее, он не знал, будет ли сопутствовать удача в его предприятии или все останется как было. Ехать предстояло долго, времени подумать предостаточно. Двое парней, отправленных заботами Юрия Петровича, разделили вместе с ним купе. Разнообразие природы так радовало глаз, что приводило в восторг всех попутчиков. Огромность страны вызывала подъем в душе. Беседа

за «рюмкой чая», рассуждали о величии и богатстве страны, но постоянно возвращались в реальность. Существующий быт, в котором абсолютное большинство россиян каждый день пытались просто выжить от зарплаты до зарплаты, от пенсии к пенсии, обнулял внешнее впечатление. Глаза восхищались, а мозг понимал, как отличается действительность от внешнего прекрасного созерцания. Как же прав был Семеныч, когда изрек, что наверху не особо беспокоятся о простых людях. Проезжая через всю страну, легко убедиться, как отличается остальная Россия от Москвы, где он побывал накануне отъезда. Покойная бабка и дед все говорили: «Всю жизнь мы работаем, чтобы дети жили лучше». Леха даже привстал, эту фразу произнес его попутчик Сашка.

– Я подумал о том же самом, – сказал Алексей, – моя бабуля тоже так говорила. А еще она говорила, что только при Брежневе мы прожили более-менее благополучно, без войны и голода. Ты знаешь, у меня на бывшей работе старый коллега Семеныч все объяснил мне на пальцах. В России простым людям покоя не будет, пока у руля воры и проходимцы.

– Так они всегда были! – сказал второй его попутчик Олег.

– Были-то были, но масштабы совсем другие. Те государственные дачи, что были у чиновников при Союзе, сейчас не тянут даже на гостевые домики на далекой периферии. Я вам скажу, мне совершенно ясно, зачем люди рвутся к власти. Власть дает возможность жить лучше! Заработать больше и больше украсть! А кроме того, сохранить все заработанное

и украденное и жить, не опасаясь и не прячась.

Власть от нас, как земля от солнца, но заработать мы вполне можем! С таким напутствием меня сюда и отправили старшаки.

– Жаль, они тебе не сказали, что ты уже не первый сюда едешь, – сказал Олег.

– Замолчи!.. – отрезал Сашка. – Нажрался уже!..

– Пусть говорит! – запротестовал Леха. – И вот что я тебе скажу, Сашка. Делать вы будете то, что я вам говорю. Старший здесь я! А кто не согласен, тот может отправляться назад, прямо с ближайшей стоянки поезда.

– Ну что ты, Леха, я просто не подумал...

– А ты думай в другой раз! И запомни, при людях я Алексей Николаевич, а наедине Леха. Так что ты там сказал насчет того, что я не первый?

Олег молчал, поглядывая на Сашку.

– Говори, – сказал Сашка, – что толку молчать на полуслове.

– Три года тому назад одного командировали, как нас... Пропал с концами, до сих пор не нашли. В прошлом году я ездил с другим. Месяц жили в гостинице, потом хату сняли. Он все время куда-то уезжал, приезжал, я сидел на месте в офисе. Он из себя делового строил. Не справился с управлением, разбился по дороге, хотя гололеда не было. Теперь нас втроем послали.

– Запомни! Послать нас никто не может, это мы можем

послать всех на х... Чем они занимались? Я не верю, что ты не знаешь, Олег.

– Про первого точно не знаю, он ездил сам. А тот, с кем я был, вроде наладил канал по золотишку.

Но мне толком ничего не известно, Петрович проболтался как-то.

– А что? Петрович действительно серьезный мужик?

– Раз ему зона общак доверила, значит, серьезный, – сказал Сашка. – Теперь он такими деньгами ворочает, что хрен выговоришь. Но деньги должны расти и работать, иначе их сожрет инфляция. Так говорит Петрович. А если с общаковскими деньгами что-то случится, с него спросят так, что мало не покажется.

Теперь Алексей понял, для чего он понадобился. Если у Петровича денег много, то таких командировочных, возможно, у него несколько. На банкиров сейчас надежды никакой, а деньги должны работать. В столицу не пускают, значит, надо зарабатывать, где получается. Да и куда им в столицу? Со свиным рылом в калашный ряд. Покрутившись без сна с боку на бок, он пришел к выводу: старшакам важно наладить бизнес, приносящий прибыль. Остальное мало их интересовало.

– Мы несколько изменим маршрут нашей командировки, – сказал Алексей утром.

В годы строительства Байкало-Амурской магистрали многочисленные родственники жены Светланы оказались

жителями городов и поселков этой самой магистрали. Многие отправлялись туда за длинным рублем, кто-то – в поисках новой жизни. У людей той великой эпохи строительства в жизни были несколько иные приоритеты. В особенности у той ее части, которая оказалась в гуще событий того времени. Алексей много об этом слышал от других людей. Как-то в разговоре Федорович сказал: «Представь, если ты хоть чуть-чуть знаешь человека на Северах, ты легко можешь занять у него в долг несколько тысяч, и тебе их легко дадут, а у нас тебе сотню не каждый даст в долг». Касалось ли это всех людей или тех, с кем сталкивался Федорович, он не уточнил. Под Северами сосед понимал всю территорию за Уралом. Фраза о том, что можно занять много денег, отложилась в памяти Алексея. Но грузить своими проблемами он никого не хотел.

Вначале по прибытию в Иркутск поселились в гостинице с одноименным названием. На следующий день Алексей отправился в гости к дяде Коле и тете Любе, которые переехали сюда из Казахстана после развала Союза. Встрече они обрадовались, оказались очень хлебосольными и словоохотливыми людьми. Дядя Коля пригласил Алексея на охоту и на рыбалку сразу во время застолья. Затем тетя Люба показала семейный альбом с многочисленными родственниками, где были и Лехина теща и маленькая Светлана. Пообщавшись от души, Алексей ненавязчиво обмолвился о цели своего визита. О желании заготавливать древесину по сходной цене хорошего качества с целью дальнейшей перепродажи в цен-

тральную Россию.

– Этот вопрос решаемый, – сказал дядя Коля.

Так неожиданно с легкой руки многочисленных родственников жены у Алексея появились связи. Были зарегистрированы две фирмы. Одна в Новосибирске, где родни оказалось еще больше, вторая в Иркутске. Обе по заготовке и отправке пиломатериала в центральную Россию. Предстояло еще прощупать возможность по скупке золота, что было весьма опасным делом. Родственники предупредили, что нельзя влезать в давно отлаженные связи. С незнакомым человеком дело иметь никто не будет. И, скорее всего, влезть в этот бизнес без крови не получится. Алексей понял, что риски здесь превышают все возможные прибыли, поэтому идею о левом золотишке он отложил в сторону. Между тем Олег работал в Новосибирске в открытом недавно филиале его фирмы. Сашка работал с ним в Иркутске. Лес исправно отправлялся в несколько точек центральной России.

Оплата по желанию клиента производилась как наличными, так и безналичным расчетом. Полуподпольные добытчики леса предпочитали брать наличку. С ними иметь дело было намного выгоднее и дешевле, но для благополучия обеих фирм несколько раз приходилось официально приобретать пиловочник у официальных фирм для придания законности своей деятельности. Появились приличные деньги. У Лехиных коллег родилась идея поехать на рыбалку. Долго решали, поехать ли на Байкал, или отправиться ловить лосо-

ся на Камчатку, или в Хабаровский край. Перед тем как отправиться на рыбалку, возникла идея съездить в Таксимо и попытаться там счастья договориться насчет золотишка. Через знакомых выяснили, все давно отлажено, все, что «плохо лежит», забирают китайцы. Перебить их цену не было ни возможности, ни желания, и, оставив всякую надежду, по возвращению в Иркутск решили организовать баню. Едва появились деньги, забыв о наставлениях Федоровича, ударились в гульбу. Два дня отходили после гулянки с бабами и шикарной попойки. Решили ехать на рыбалку на Камчатку, ловить лосося.

Сборы на предстоящую рыбалку – это удивительное действо. Каждый советовал и вспоминал, что нужно взять с собой. Все жили в предвкушении. Каждому часто приходилось рыбачить в центральной России, но здесь, на востоке, на рыбалке никто из них никогда не был. Встал вопрос, где порыбачить, сначала задумались, затем посоветовались с людьми, которые неоднократно бывали в разных местах необъятной Родины.

Поскольку сплавляться никому не приходилось, эту затею отменили сразу. На Байкал решили съездить на следующий год. Остановились на наиболее комфортной и безукоризненной в плане эмоций рыбалке. Решили отправиться на Камчатку. Как сказал дядя Саша: «Там вы отведете душу по полной. Вы увидите, что такое Камчатка и ее красота. Рыбы там столько, что вы в первый же день будете ее отпускать после поимки.

Ее просто некуда девать. Съедите вы пару рыбин, а остальное?...»

Все-таки хорошо иметь много родственников, подумал Алексей. Они и с бизнесом помогли, и советом всегда помогают. Если бы не они, пришлось бы по адресам Юрия Петровича мыкаться, и неизвестно, чем бы все это закончилось. Связываться с криминалом опасно, может выйти себе дороже. Лучше иметь гарантированный заработок, причем немалый, чем гоняться за призрачной золотой пылью. Бизнес я наладил, правда, не все легально, зато деньги потекли конкретные. Наконец-то я могу позволить себе все. Могу в баню девок пригласить, могу на охоту с ребятами податься, посидеть в ресторане, любая еда, любая выпивка.

Не сразу все пришло, но все-таки. Жаль, что никто из старых знакомых не видит, каким крутым я стал. Наверное, у многих, как и у меня, в крови желание похвастать, обязательно нужно повыпендриваться. Но перед чужими людьми выпендреж не имеет нужного эффекта. Очень жаль, что знакомых нет рядом. Пожалуй, для полноты картины мне не хватает ствола. Правда, со стволом могут прихватить менты, и вся крутость на этом быстро закончится. Вместо ресторанного обеда появится миска тюремного супа с четвертиной хлеба. Мои нынешние коллеги производят впечатление вполне нормальных среднерусских пацанов, во всяком случае, Сашка, надежный, как автомат Калашникова. К Олегу надо присмотреться повнимательнее. Есть в нем какая-то

скрытность, а это всегда повод для недоверия. У меня все настолько хорошо, что даже не верится. Про семью стал думать меньше, отослал Светлане деньги, чтобы с Анечкой не бедствовали. Почему-то из всех бывших коллег больше всего вспоминался Семеныч, его острые шутки и четкие определения в адрес начальников.

Интересно, как бы он меня сейчас назвал, если бы увидел в теперешнем прикиде, при иномарке?

Особенно без прикида, с бабами в бане? Брательник Сергей, безусловно, порадовался бы за меня, надо не забыть поздравить его с днем рождения.

После прошлогодней охоты в офисе фирмы недавно появилась на стене голова кабарги. Знакомые звали съездить поохотиться на дикого северного оленя, но пришлось отказаться, дела превыше всех развлечений. Хотя Сашка говорит и думает по-другому. Он заявил недавно, глядя мне поверх головы, загадочно улыбаясь: «Служебные дела решаются в первую очередь, а личные вне всякой очереди». Удивил так удивил. Олег на эти слова только усмехнулся. Одним словом, то состояние, в котором я сейчас нахожусь, наверное, называется счастьем. Все есть, всего хватает, все меня уважают. Я стремился к этому, у меня все получилось. Интересно, как монахи обходятся малым, но при этом чувствуют себя счастливыми?

Наверное, счастье у каждого свое, не могут быть одинаково счастливы монах, нищий, сидящий на паперти, и олигарх.

Для монаха счастье – это взаимодействие с Богом и взаимная связь с Богом. Для нищего счастьем будет пяти тысячная купюра, оказавшаяся в его протянутой руке. Для олигарха счастье – очередной миллиард, заработанный или украденный, не суть важно. Но уж наверняка несчастье для всех одинаково, независимо от статуса человека. Хотя вряд ли, взять хотя бы смерть. Для монаха, если он искренне верит, смерть скорее всего счастье встречи с Богом.

Для нищего смерть – избавление от голода, холода, вшей, кучи болячек и унижений. Для олигарха смерть – это горе, потому что он имел все, что только может пожелать человек и вообразить его сознание. Хотя среди богатых тоже есть люди, которые помогают бедным, больным, верят в Бога. На это можно возразить, что сначала наворовали, награбили и теперь грехи замаливают, помогая людям и молясь в храмах. Может, и так, но идеальных людей не бывает, разве что монахи Лаврентий. Таких как Лаврентий в лучшем случае тысяча на миллиард населения, а остальные – обычные люди. Что вдруг меня понесло в эту философию? С чего бы это? Вспомнились бывшие коллеги, брат Сергей, сосед Федорович, Семеныч, и сам собой возник вопрос... А как же они? Ведь они не монахи, не нищие и не олигархи. Им, как и мне, смерть страшна, у всех у них разное представление о счастье... Когда я вернулся с поселения, я был счастлив от встречи с семьей, с близкими и друзьями. Сейчас я счастлив своему достатку. Мне кажется, это большое событие моей жизни. А

покойному другу, Витьке, угоревшему в машине, наверное, последний вздох показался главным событием его жизни. С годами меняется представление о жизни, о смерти, о бедности и богатстве, о счастье и несчастье. Неизменным остается только вера в Бога. Вера объясняет все, что происходит с нами, и не дает переступить ту черту, после которой мы перестаем быть людьми и превращаемся в тех, кого не поминают, особенно на ночь глядя. С такими рассуждениями Алексей находился внутри себя, а очнувшись от нахлынувших мыслей, удивился сам себе.

– С чего это меня понесло по просторам мыслей, размышлений и воспоминаний?

То, что Алексей и коллеги увидели на Камчатке, привело их в восторг и ошеломило одновременно. Огромные косяки рыбы в мелких реках буквально по камням поднимались по течению. Проводник из местных был при оружии, опасаясь медведей. Проходя вдоль реки, увидели на берегу кучу рыбы, так много, что все пришли в недоумение. Она начала вонять, и этот неприятный запах разносился по всей округе. Проводник сказал, что отсюда лучше быстро уйти, этот запах приманивает медведей. Он объяснил, что рыбаки бросают рыбу, забирая икру. Такое объяснение шокировало всю троицу. Вечером, сидя у костра за ухой, Сашка изрек:

– С таким подходом лет через десять этого лосося, которым сейчас кишат реки, не будет.

– Бардака здесь не будет, помяните мое слово. Скоро здесь

порядок наведут. Это все в погоне за деньгами, – сказал Алексей.

– Мы все здесь оказались в погоне за деньгами, – заметил Олег.

– Это да, но не любой ценой, – сказал Алексей. – Я съездил перед поездкой сюда в одно место, узнал, что с золотом без крови не обойтись, и от этой идеи отказался. Так что акула капитализма из меня не вышла и вряд ли выйдет дальше.

Проводник, до этого сидевший молча, сказал:

– При Союзе было порядка больше. Сейчас все развалили, а людям жить надо здесь и сейчас, поэтому каждый выживает как может.

Сашка добавил:

– Леспромхозы тоже развалили, люди предоставлены сами себе, вот и валят лес без всяких планов, лишь бы заработать.

– А у нас рыбу везут японцам и китайцам, потому что везти ее в Россию разорительно.

Сейчас все, кто сидел у костра, осознали масштаб катастрофы, случившейся с приходом ельцинской команды. Людям, которые оказались на востоке и на севере, ярче всех увиделся ужас, произошедший со страной. Тем не менее, рыбалка и природа порадовали своей новизной, хотя осадок в душе остался.

Отправив Светлане деньги вместе с Олегом и письмо с наилучшими пожеланиями, пригласил приехать к себе ее с

Аней, ссылаясь на занятость и невозможность приехать самому. С Олегом уехала наличка, предназначенная Юрию Петровичу. Все, что давал Петрович, вернулось ему через время в десять раз больше. Свои семьи ребята тоже не обижали... Алексей просил Олега ничего конкретно не рассказывать Петровичу, а все вопросы адресовать ему. Когда остались вдвоем с Сашкой, тот вдруг сказал:

– Олег расскажет все. Зря ты с ним жене деньги передал. Петрович будет знать, чем мы ворочаем, и спросит с нас.

– Да не такие уж там огромные деньги, – сказал Алексей. – Она у меня на права учится, пусть машину купит, а то девятка уже совсем развалилась.

Прошло время. Делать бизнес в прежнем режиме становилось все сложнее. С приходом к власти новых людей началось упорядочивание и ужесточение всех нюансов, связанных с бизнесом. Налоговая более серьезно взялась за людей бизнеса, требуя отчеты и откаты. Власти начали браться за лесозаготовителей, действующих незаконно на свой страх и риск. Открывались фирмы, которые работали с законными лесозаготовителями и делали откаты местной администрации. Прижимать стали незаконных старателей, браконьеров и всевозможных перекупов. Китайцев, которые после своей сельхоздеятельности оставляли пустыни, также стали ставить в рамки правового поля. Лехе пришлось все больше легализовывать свой бизнес.

Это приводило к удорожанию древесины при доставке ее

к конечному потребителю. Отправленный в очередной раз в центральную Россию Олег с деньгами для Петровича деньги до адресата не довез, ссылаясь на то, что его ограбили. Алексею пришлось выехать к Юрию Петровичу с отчетом и деньгами, собрав все, что мог, и опять оставшись без копейки за душой. Как быстро заканчивается все хорошее. Возвращаясь в центральную Россию, увидел, что кругом повсеместно идет строительство. Жилье, торговые точки, аптеки, особенно бросалось в глаза жилье. Были дома, построенные без всякого вкуса, но выделявшиеся своей огромностью. Он думал, что люди бедные, а оказалось, что деньги есть, раз они строят такие монументальные строения. Приятно удивила Белгородчина. Везде строительство, везде асфальт и тротуарная плитка.

Губернатор явно был на своем месте. На востоке все по-прежнему выглядело довольно блекло по сравнению с Белгородчиной. Сколько раз Алексею приходилось входить в различные кабинеты для решения вопросов бизнеса. Везде одно и то же, дай, дай, дай. Как надоели эти самодовольные рожи. Вокруг разруха, все тянули только себе. На Белгородчине было видно, через раз клали в свой карман, через раз в государственный. По прибытии домой его ждали две неприятные новости. Одна новость касалась его бывшего поделщика Рындина. Летом купался в реке, прихватило сердце, пока спохватились на берегу, было уже поздно. Утонул, как заключили все знакомые. Алексей повидался с Семенычем,

подарил ему набор японской электротехники, лобзик, шуруповерт, болгарку.

– Я знаю, у тебя все еще дедова пила, возьми попробуй.

– Спасибо, – обрадовался Семеныч, – для хозяйства то, что надо.

После небольшого по времени общения с Семенычем он отправился на встречу с Федоровичем, где его ждали Юрий Петрович и вторая плохая новость. Разговор получился резким и неприятным, больше похожим на наезд. Обычно сдержанный, он в этот раз резко сказал:

– Если мне нет доверия, то в чем дело. Бизнес отлажен, шлите своего человека, пусть снимает пену. Хотя мне и жаль потраченных лет, но лучше я останусь дома с семьей. Надоело мыкаться по чужим хатам.

– А что ты делать здесь будешь? Опять в мазут полезешь? В тепловоз? Из своего крутого костюма, – сказал Юрий Петрович. – Светка твоя «Форд фокус» новый купила, опять на чермет ее свой пересадишь?

Им было понятно, что он заматерел. Это уже не тот Леха, которого пять лет назад отправляли на север.

– Ты, Леха, не дуркуй, – сказал Федорович, – присядь. Выпьем за встречу и поговорим спокойно.

Выпили по рюмке коньяка, Леха не унимался.

– Я видел, за двором новая «Шкода стоит», я так понимаю, это твоя? Раньше у тебя, Федорович, кроме синих наколок ничего не было... Петрович тоже на новом крузаке при-

ехал... А я что? «Форд» для семьи не могу купить за столько лет работы?

– Не о том речь! – сказал Петрович. – Мудрить не надо.

– Я сказал все как есть. Если нет доверия, люди остались на месте, можете любого из них вместо меня назначить. Можете нового человека направить.

После того как обстановка чуть успокоилась стараниями Федоровича, разговор вернулся в конструктивное русло. Алексей объяснил, как поменялась обстановка. Взятки устроились, поэтому зарабатывать стало труднее. Погоняв еще немного пар, Петрович изрек:

– Оформляй все на Олега и можешь быть свободен, ты мне больше не нужен.

– Я должен все равно туда вернуться. С людьми остались устные договора. Надо все порешать, с чужими они решать ничего не будут.

Это было похоже на плевок, такое незаслуженное унижение вызвало неожиданную реакцию.

Вместо споров и криков Леха, поднявшись из-за стола, сказал:

– Бог вам судья, – и вышел из дома.

Захотелось вдруг пообщаться с братом Сергеем, так всегда было, когда возникали трудности или на душе неспокойно. По счастью, брат оказался дома. После приветствия решили пойти к Семенычу. Захватили с собой все необходимое для хорошего застолья.

– Принимаешь гостей? – спросил Сергей, отлично знавший Семеныча.

– Гостям всегда рад! Проходите, братья.

– Жена ругать не будет, если посидим за рюмкой? – спросил Алексей.

– Может, и будет, только не сейчас. Она у меня умная.

Устроились поудобнее в беседке, выпили, закусили, поболтали о разном.

– Ты к нам возвращаться не надумал? – спросил Семеныч.

– Спроси у него, Сергей... Что он нашел в дали, чего нет у нас? Или ты, как твой одноклассник Сеня Ральф, в Америку намылился?

– Так Ральф в Испании, – сказал Леха, – а не в Америке.

– Не знаю точно где, но когда десять лет назад он приезжал домой к матери, сказал: «Вы просто не представляете, как хреново вы здесь живете». А в прошлом году приехал и сказал: «Надо в России бизнес открыть». Посмотрим, что он запоет, когда в следующий раз приедет.

– Семеныч? А откуда ты про него знаешь? – спросил Леха.

– Моя с его матерью работает, они подруги. Раньше все хвалилась, как ее Сеня хорошо там живет. Может, так оно и есть?..

– Если бы так было, не было бы у эмигрантов столько тоски по родине в любой песне, в любой фразе, – сказал Сергей.

– Высоцкий в свое время сказал, что «мы нужны в Париже, как в русской бане пассатижи», – добавил Семеныч, це-

нивший Высоцкого больше всех остальных поэтов. — Я отсюда даже в соседний город не перееду, потому что здесь мои родные, знакомые, друзья. Вот вы у меня здесь. Можете мне верить или нет, я весной на речку с удочкой вышел, а там старую вербу ветер свалил, так я плакал. Я под этой вербой со своей женой еще молодым пацаном целовался. Вот эта память, все, что было со мной и с моими близкими людьми, крепче любых веревок, любых пут связывает меня с Родиной. Ты, наверное, не понимаешь меня, Леха... — Помолчав, спросил: — Обычно из дому или с Родины бегут те, кто либо перед всеми обосрался, что стыдно в глаза смотреть добрым людям, либо те, кто нагадил родным и близким... Я ведь знаю, что ты не из таковских. Что же ты мыкаешься? Не надоело по чужим углам прыгать?

— Да я ему то же самое говорю!.. Не слушает... — сказал Сергей.

— Бросай ты своих синяков, Леха, пока не втянули они тебя в блудняк. Я подгон тебе в зону помогал делать потому, что ты никого ментам не сдал. Помогал лично тебе, а не Федоровичу.

— Все. Смотаюсь на Севера, все дела улажу и вернусь домой, а то и правда, эти люди добра не помнят.

— Возвращайся быстрее домой, — сказал Сергей. — Однажды вернешься, а у Светки другой мужик. В жизни все бывает, так что долго не кружи по свету. Аньку учить надо, об этом тоже думай. Заработать здесь тоже можно, я никуда не

уезжал, а живу.

— Ты, помнишь, мне когда-то сказал, мол, воруюшь и Бога просишь помочь... — напомнил Семеныч.

— Я ведь извинился перед тобой, или ты до смерти вспоминать мне будешь?

— Если хочешь знать, Леха, я честнее всех. Ты возьми богатых людей... Кто из них абсолютно честно заработал свои капиталы? Все как один воры, жулики и проходимцы. Все чиновники пользуются своим положением. Если рассмотреть под микроскопом любого человека, каждый хочет грэбануть под себя, и ты, и я, и он. Нельзя жить среди людей и при этом быть святее римского папы. Все со своими мелкими и большими грехами. Вопрос, конечно, не в этом, вопрос в том, где та грань, которую мы не переступим? Грань эта проходит в головах и душах людей, кто и что вложит в головы и души им, то и будет. После развала Союза шайка Ельцина установила правило «Успех любой ценой! Создать общество успешных людей». Многие пошли по головам, по крови. Я в девяностые не на луне был, да и вы тоже. Хорошо знаете, о чем говорю. Что тогда творилось, сколько людей погибло, сколько пропало, мы до сих пор не знаем и никогда не узнаем точно, но нельзя кивать на власть все время. У кого в душе не было Бога, тот шел на все... На убийство, на обман, на грабеж. Я никого не убил, не ограбил, я просто не хотел, чтобы мои родные сидели голодными. Ты сказал тогда, что это не оправдание. Тогда оправдай тех, кто нами

руководил, кто установил такой порядок и такие зарплаты. Мы за миску супа пахали, а у каждого начальника не детские оклады, плюс конвертами они себя балуют регулярно, по поводу и без повода, и все в обход налогов.

– Ну к чему ты все это? – спросил Сергей.

– К тому, что мозги у вас на месте, вот и думайте. Говорят, один человек ничего не решает. Решает, еще и как!.. Путин чиновников сверху прижал, задержек в зарплате нету и платить стали поболее, чем раньше.

– Это у нас на Белгородчине! А я всю страну проехал... И скажу тебе, Семеныч, по-разному живут люди. Простым работягам хуже всех живется. Перемены, конечно, есть, и это правда.

– Ничего, везде наладится, – сказал Семеныч. – Помяните мое слово. Не скоро, правда, все до простых людей дойдет, быстрее до начальства, но, как известно, начальство при любом раскладе не в накладе. Я думаю, Алексей, ты на Севера тоже за длинным рублем поперся. Вроде и умный ты, а нет у тебя якоря. Летишь куда-то сломя голову, чего-то все ищешь, а жизнь идет. Смотри не согреси сильно, а то нас все призывал, а сам вляпаешься... Или уже влез куда-то?

– Нет, Семеныч, я вовремя с нужными людьми встретился.

– Пока тебя не было, у нас перемен много. Далеко ходить не надо. Лет десять тому назад в каждом доме резиновые сапоги на каждого человека были обязательны, иначе нигде

не пройдешь. Сейчас я из любого конца города в другой конец могу в туфлях пройти, хоть весной, хоть осенью. Пойди в парк, любо-дорого глянуть. Самое главное, что все это сделали мы сами, не китайцы, не американцы, а мы сами. Губернатор обязал глав районов класть тротуарную плитку, обустраивать территории, убрали мусор в посадках, в деревнях навели порядок... А раньше в деревнях кучи навоза за двором и всякая дрянь навалена. Захотели навести порядок и навели, вот так и в стране будет. Вы вспомните, что нам каждый день из любого утюга вдупляли! Мы ленивые, мы никуда не годные, мы перед всем миром виноватые, причем во всем. Я только за это никогда не прощу эту ельцинскую власть... За мое многолетнее унижение, за то, что он страну развалил, за то, что он ее унизил.

Вышла жена Семеныча и сказала:

– Если стал ораторствовать, значит, уже набрался.

– Да нормальный он! – сказал Сергей.

– Ой, Сережа, он раньше в телевизор плевал, когда Ельцина, Гайдара или Чубайса видел, а сейчас как о них заговорит, аж заходится в крике.

– Ну, мы пойдем, Семеныч, – сказали братья Артемовы и, пожав ему руку, направились к калитке.

– Слушай, Леха, кто такой Ральф, что в Испанию уехал? – спросил Сергей.

– Это мой одноклассник Сеня Сомов по кличке Ральф.

– Ну и что? Правда, что в Испании так круто?

– Везде хорошо, где нас нет. Каждый кулик свое болото хвалит. Я проехал всю страну и скажу тебе, брат, с деньгами везде жить можно. Россия на таких Семенычах держится.

Шли молча, дошли до церкви. Сергей, взглянув на Леху, предложил:

– Зайдем? Свечку поставим?

– Давай зайдем, а потом на кладбище к предкам, – сказал Леха.

Домой заявились изрядно подпитые, брат домой не пошел.

– Света, Сергей у нас заночует, мы с ним во времянке ляжем.

– Я вам поужинать принесу, диван раскладывай, и отдыхайте.

– Ты, брат, не прав, – сказал Сергей. – Россия не только на Семенычах держится, а на всех людях, кто в России и кто с Россией. Мы с тобой тоже нигде не прятались. Служили, работали, сиднем не сидели. И таких, как мы, абсолютное большинство. Ты сам это понимаешь, всю страну проехал. Одно запомни на всю жизнь, будь хоть директором, хоть шофером, оставайся человеком.

– Я многого не говорил тебе, Сергей. Там без денег и без связей шагу не ступишь, если есть и то и другое, тогда можно делать деньги, но с оглядкой. Мне сейчас подрубили крылья. Только наладил все, и выперли меня из моего же бизнеса. Зато хорошо хоть долг отработал, и то спасибо.

– Ты думаешь, что для меня Америку открыл? Здесь то же самое. Везде дай, везде поделись. Если упертым окажешься, завтра же пожарник придет, послезавтра санэпидстанция, потом котлонадзор, затем в налоговую дернут. Не поймешь, входную дверь в магазин подожгут, неизвестные хулиганы могут окна побить. Мне тебя не хватало очень. В тот раз, когда ты мне долг вернул... Помнишь? Меня с тех пор не трогали, а сейчас опять началось.

– Знаешь, откуда ветер дует? – спросил Леха.

– Это Юрий Петрович.

– Точно знаешь?

– Теперь точно.

– Ладно. Я подумаю, чем смогу тебе помочь. А пока сделаем вид, Сергей, что этого разговора у нас не было.

– Только крайностей не надо, ситуация того не стоит.

– Как же быть, Сережа? Предают меня, и я вынужден поступать адекватно?..

– Не надо! – сказал Сергей. – Они пусть делают что хотят, а ты оставайся человеком до последней возможности. Только если вопрос коснется семьи, можно пойти на крайности.

После этого разговора по душам в скором времени по городу разнеслась новость. «Машина с Юрием Петровичем попала в ДТП. Сам он в реанимации, неизвестные перерезали тормозные шланги». Прав был отец Лаврентий, каждый получает то, что заслужил.

Попрощавшись со всеми, Алексей отправился на восток,

улаживать свои дела. Удивительно устроен человек, из дома тянет в дорогу, а в дороге тянет домой. Не прошло и суток, как сел в поезд, а уже мысли о доме, о родных, о друзьях. Снова и снова думал Леха обо всем и обо всех, вспоминая слова Семеныча и брата: «Будь человеком до последней возможности». Каждый из нас не раз слышал эти слова от старших, от родителей, от наставников, и в разные моменты жизни они приобретают дополнительный смысл. С ним в купе ехала очень пожилая женщина, с ней древняя бабуля. Бабушкины вставные зубы плавали в стеклянной банке, наполненной водой, на столе в купе. Глядя на эти зубы, Леха поежился, есть резко расхотелось. Женщина, обращаясь к бабушке, сказала:

– Мама, давай чайку попьем с печеньем, как ты любишь.

– Давай, Наденька.

– Молодой человек, – обращаясь к Алексею, сказала женщина, которую бабуля назвала Наденька. – Не желаете чайку с нами?

– Нет, спасибо, я попозже, привычка, знаете ли.

Две дамы принялись чаевничать, он взял в руки книгу, все было обыденно, но после чаепития бабуля ладонью смахивала крошки и отправляла их в рот.

– Мама!.. Ну сколько можно? – с укоризной глядя на мать, сказала Надежда.

Алексей, обращаясь к ним, сказал:

– У меня с собой есть печенье и конфеты, сыр, банка ме-

да, если хотите, я сейчас же достану. — Думал, что у них не хватает еды.

— Молодой человек, не знаю, как вас зовут, но спасибо, у нас есть все. Это ленинградская привычка, я с этим явлением ничего не могу поделать много лет.

— Меня зовут Алексей, фамилия моя Артемов, и вообще-то я не такой уж и молодой.

— Все познается в сравнении, — глядя на мать, сказала она. — Меня зовут Надежда Павловна, маму Зоя Ивановна. Мама совсем старенькая, я забрала ее к себе в Челябинск. Я с мужем там живу, а в маминой квартире теперь моя дочь с мужем остались. Мама всю жизнь прожила в Ленинграде, пережила блокаду. Выжила одна из семьи, но не утратила рассудок. До сих пор все прекрасно помнит, все понимает, разбирается в политике. Представьте, когда пришел Горбачев, мама сразу сказала: «Этот болтун развалит государство». Про Ельцина сказала, что он пьяница и позор страны. — Алексей с гораздо большим интересом посмотрел на бабулю, которую вначале про себя назвал именно так. Даже вставные зубы в стеклянной банке больше не шокировали его. — Если захотите поговорить с ней, вы не разочаруетесь. Мама долгое время работала в библиотеке, много читала. Мне необходимо выйти, а вы поговорите с ней, Алексей, я еще в вагон-ресторан зайду.

— Зоя Ивановна?.. Что вы думаете о ситуации в стране? — спросил он.

– Алексей, я не думаю, я точно знаю, что самое плохое мы миновали. Теперь все будет по-другому.

– А откуда такая уверенность, Зоя Ивановна?

– После того, что я пережила в своей жизни, мне ничего не кажется более ужасным и страшным. Запомните, Алексей, хуже голода нет ничего. Не многие люди способны жить, голодая, и не потерять человеческий облик. Остаться человеком в экстремальной ситуации – это подвиг, Алексей. То, что пережили мы, блокадники, ни в одной книге невозможно описать в полном объеме. Кроме нас, блокадников, один Бог знает, что творится в наших душах, в душах людей, переживших блокаду. Я до сих пор, спустя много лет, стыжусь мыслей, которые были в моей голове во время блокады. Я потому так долго живу, что пытаюсь вымолить у Господа прощение за все. Я каждый день прошу прощения за то, что не перешла черту.

– Что за черта?

– Я это говорю только на исповеди. Вы, молодой человек, не пережили то, что пережили мы, и вы нас, блокадников, никогда не поймете. Я вижу, у вас, Алексей, тоже беспокойно на душе.

– Наверное, счастливые люди выглядят по-другому? – спросил Алексей.

– Счастливые люди выглядят так, как я. – Алексей с удивлением глядел на нее. – Не удивляйтесь. После того, что я пережила, теперь у меня только счастье. Все плохое для ме-

ня позади... Скоро умру, увижу всех, попрошу прощения у всех, перед кем виновата, у кого не успела, не смогла или не хотела просить прощения раньше.

– Зоя Ивановна, может, мой вопрос не корректный, если сможете, ответьте, по возможности правдиво. Умирать вам страшно? Или вы об этом не думали?

– Я человек, обычный человек... Конечно, страх есть у всех. Я принимаю смерть как неизбежность. Человеку верующему не страшно умирать, но поверьте мне, Алексей, верующему и жить не страшно, а не верующему страшно.

– Зоя Ивановна, вы всегда это знали или в процессе жизни пришли к этому?

– Я узнала это, когда дошла в блокаду до определенной точки. С той поры я не поменяла свою точку зрения. После войны еды стало вволю, но я в блюдо наливаю растительное масло, макаю в него корку хлеба, посыпаю солью и ем, мне до сих пор очень вкусно. Я не могу позволить себе выбросить корочку хлеба, потому что в блокаду я дала слово, и слово свое я до сих пор исполняю, как клятву. Алексей, если в жизни случится так, что вы дойдете до края, не просите помощи, а просите прощения и чтоб Господь принял вас со всеми грехами.

Вернулась Надежда Павловна.

– Я принесла бутерброды с красной рыбкой, рыбка свежайшая. Мама, скушаешь бутерброд?

– Зачем ты спрашиваешь, Наденька? Я всегда хочу ку-

шать.

– Алексей, вы хотите?

– Нет, я пойду покурю.

Выйдя из купе, Алексей долго не мог прийти в себя. Блин!.. Эта старуха – просто чудо. В нескольких словах объяснила то, что лезло в голову, а я гнал прочь, то ли от страха, то ли от неверия!

У нее свое представление о жизни и смерти, о счастье и несчастье.

Жизнь, смерть, все смешалось. Ему хотелось, с одной стороны, простить всех, всех сразу. С другой стороны, всех наказать за себя, за старуху, за близких и далеких, и непонятно, что еще надо сделать... Дурак-дурак, дурак-дурак, дурак-дурак, стучали колеса о рельсовые стыки.

После расставания со своими попутчицами Алексей продолжил путь в компании других пассажиров. Молодые люди, сменившие недавних попутниц, представились наладчиками автоматизированных линий упаковки. Выставив на стол бутылки и закуску, они практически до конечной станции не переставали пить и спать. Порой вместо разговора из их уст вырывалось невнятное мычание. Алексей в собеседники не набивался, все больше читал и дремал, сквозь дрему слыша невнятную беседу попутчиков о деньгах и женщинах. По прибытии в Иркутск он прежде всего повидался с Сашкой.

– Ты был прав, Саня, продал с потрохами нас Олег. Вместе с нами пил и ел, с бабами в бане кувыркался, шкурой

рисковал, а Петровичу продал.

– Шкурой рисковали мы, а он ждал... Просто ждал! Я думаю, не случайно те, кто до нас сюда прибыл, Богу душу отдали. Надо бы Олежку внимательно расспросить и полечить от стукачества.

– Нет, Саня, не будем мы души свои и руки об эту продажную суку поганить. Просто будем знать, что доверия к нему нет. Я перепишу на него все, теперь он у тебя начальник, так решил Петрович.

– А сам как будешь жить?

– Думаю, не пропаду. Куда-нибудь пристроюсь, Светкина родня поможет.

Так Алексей оказался в фирме «БАЙКАЛ-ЛЕС», полностью с ориентированной на работу с китайскими партнерами. Через неделю узнал от брата Сергея, что Юрий Петрович скончался в реанимации, так и не придя в сознание.

Наступил день рождения Алексея Артемова. Решил отметить его в ресторане «Фионит». Алексей пригласил всех, с кем познакомился в процессе работы на востоке, родственников Светланы, которые всегда были рядом и помогали связями и советом. Пригласил всех, кроме Олега, которого справедливо считал предателем и трусом. На новой работе подарили ему охотничье ружье двенадцатого калибра, инкрустированное серебром, с короткой дарственной надписью: «На память от коллег!» Родственники подарили деньги. Алексей не обиделся, он понимал, что чем-то удивить его

здесь не получится. Сашке все-таки удивить его удалось. Он подарил коробку, перевязанную лентой, и конверт, сопроводив словами: «Тебе здесь письмо от меня».

Алексей открыл конверт, там была тысяча долларов, сто-долларовыми купюрами, открыв коробку, он увидел два золотых самородка по тридцать – сорок граммов каждый.

– Спасибо, Саня! Вот удивил так удивил. Огромное спасибо.

– Я с тобой бизнес начал, деньги благодаря тебе хорошие поднял, грех не отблагодарить, хотя бы таким способом. Наполеон считал, что самый большой грех – это неблагодарность, а не то, что у нас в церкви перечисляют.

– Так ты что? В деизм перекрасился?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, но если это ругательство, то я обиделся.

– Успокойся, Саня. Деизм – это религиозное течение, приверженцем которого был Наполеон.

Все гости рассмеялись. В разгаре веселья ведущий предложил отгадывать загадки, призом были прекрасные пирожные и хороший коньяк. Было весело... Народ радостно проносил тосты и здравицы в честь именинника. В это время Саня, поднабравшись спиртного, решил поменяться с ведущим ролями. Предложил отгадывать загадки, которые загадает он, приз – сто долларов. Сразу нашлось несколько желающих поучаствовать. Загадали первую загадку железнодорожную. Что означают три коротких гудка тепловоза. Это в

свое время Алексей объяснял им с Олегом. Поскольку дядя Коля и тетя Люба были железнодорожниками, загадка была разгадана сразу, Сашка по-честному, шатаясь, отдал сто баксов. Саня загадал вторую загадку. Чего не было, чего не будет, а если и будет, то весь мир погубит... Перебрав все от атомной бомбы до бактериологического оружия, гости сдались, скинувшись деньгами, и Саня озвучил разгадку... Это была п...а с зубами. Все рассмеялись. Приняв еще на грудь, Александр загадал третью загадку. Что такое шесть крыльев и семь х... в... Не угадав отгадку, все скинулись деньгами и замолчали в ожидании ответа. За ответ, который озвучил Сашка, чуть не прилетел черпак в голову от повара ресторана... А ответ гласил: «ШЕСТИКРЫЛЫЙ С...Й». Кто это и что это, объяснить он не мог, поэтому деньги пришлось вернуть гостям, а самого его Леха отправил по месту жительства на такси. Дальше гулянка пошла по утвержденному сценарию. В целом все остались довольны. Гости стали разъезжаться поздно ночью, находясь в различной степени подпития.

Наутро плохо помня все события, Алексей пытался выяснить хронологию вчерашнего праздника. Позвонил Сашке, тот ответил, что из ресторана отъехал последним и что все нажрались как свиньи...

– Странно... Мне казалось, тебя отправили первым, – сказал Алексей.

– Ты, Леха, ничего не помнишь, все нажрались, и я уезжал

последним.

Алексей не стал переубеждать своего друга, пусть считает, что он был самым трезвым.

Вести бизнес – вообще дело непростое. Огромный риск и очень большая ответственность. В России и ответственность, и риск утраиваются, поскольку постоянно совершенствуются законы, меняются подходы и правила игры. На начальном этапе любой бизнесмен входит в бизнес, имея перед собой оговоренные заранее правила, на первый взгляд, вполне понятные. Проходит какое-то время, меняются законы, нормативные документы, и дело доходит до того, что недавний успешный бизнесмен вынужден закрыть свое дело, так как оно перестало приносить прибыль. Самые успешные предприятия в России те, что продают газ и нефть, как за рубежом, так и внутри страны.

И речь, конечно, не об этих предприятиях, которых всячески поддерживает государство, речь о тех тысячах небольших предприятий, которые кормятся сами и кормят по цепочке всех сопричастных, лавируя между хитросплетениями законов и зажавшимися чиновниками. В бизнесе, как и в целом в жизни, встречаются разные люди: неудачники и везунчики, люди, отвечающие за свои слова, и те, которые норовят обмануть при первом удобном случае. Встречаются бизнесмены, которые готовы идти на крайние меры по самым пустяковым поводам. С самого первого шага в бизнесе Алексей усвоил для себя, имея дело с разными людьми: ни-

когда нельзя терпеть наглецов, которые не выполняют своих обещаний. Второе правило, которое он выполнял свято, – не втягивать в разборки женщин и детей и никогда не идти по крови.

Третье – он не вел дела с бизнесвумен, полагая, что бизнес – не женское дело, особенно в России.

Пройдет какое-то время, он поменяет точку зрения, но тогда думал именно так. С момента открытия своих фирм он подтянул в свои ряды четверых молодых парней, бывших спортсменов, которые помогали решать различные вопросы, связанные с бизнесом. Когда уходил в фирму «Байкал-Лес», забрал двоих из них с собой. Через некоторое время, по его рекомендации, в фирму были приняты и оставшиеся двое ребят. Таким образом, у него была команда, которая играла по установленным им же правилам. Всех членов этой команды все устраивало. Для себя Алексей разделял бизнесменов на несколько категорий. Те, которые из-за невезения или из-за постоянно меняющихся правил игры не могли по тем или иным причинам выполнять вовремя свои обязательства. Те, которые начинать наглеть, думая, что все сойдет с рук, считая себя круче вареных яиц. Те, которые, договорившись и ударив по рукам, начинали включать заднюю скорость, думая, что все можно отыграть назад, решить все попроще и подешевле. Для каждого из таких бизнесменов у Алексея была выстроена своя схема поведения. Алексей на всю жизнь запомнил, как могут воздействовать на человека слова, ска-

занные вовремя, особенно если человек не совсем свободен. Приснопамятный капитан Семенец оставил неизгладимый след в душе Алексея. Он хорошо помнил, как спал урывками в камере следственного изолятора, каждую минуту ожидая нападения каких-нибудь отморозков. Поэтому для людей не наглых, а просто невезучих у него была припасена «задушевная беседа», без оказания физического воздействия в стиле капитана Семенца. Помнил он и слова соседа Федоровича, часто говорившего:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.